

A photograph of a winter scene featuring a pond with a large, abstract sculpture of a woman's torso and head. Several ducks are scattered around the pond, some standing on the ice and others in the water. The background shows a snowy landscape with bare trees.

**КАЛЛЕ КАСПЕР
БРАТЯ ЛУЙК**

Калле Каспер
Братья Луйк

«Автор»

2026

Каспер К.

Братья Луйк / К. Каспер — «Автор», 2026

"В «Братьях Луйк» фигурируют колоритные персонажи, автор подмечает множество интересных деталей, личная жизнь героев переплетается с историческими событиями – и оказывается, что в эту личную жизнь неизбежно вторгается политика, от которой страдают все и, наверное, прежде всего, идеалисты. Для меня роман «Братья Луйк» был полон открытий, главным образом, психологического свойства. Несмотря на то, что я живу в Таллинне почти полвека, выяснилось: я очень плохо знаю этих людей, ибо работать рядом с коллегами, жить с кем-то по соседству, пересекаться с самыми разными людьми в той или иной ситуации вовсе не гарантирует понимание их поведения, поступков, мотивации, мнений. Наивное, но очень существенное открытие. Роман «Братья Луйк» вышел на эстонском языке в начале 2002 года, в русском переводе – почти 20 лет спустя. Он не только не устарел – он совершенно не утратил актуальность". Элла Аграновская

© Каспер К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Калле Каспер Братья Луйк

КАЛЛЕ КАСПЕР

БРАТЬЯ ЛУЙК

роман

Гоар

Что страшнее: иссохшие сердца или пустые черепа?

Оноре де Бальзак

Пролог

Новогодний праздник

Середина 70-х

Сильный, звучный, больше присущий политику, чем ученому, голос завладел пространством, привлёк внимание присутствующих. Казалось, ещё немного, и даже дремлющий в углу гипсовый бюст Ленина проснется и присоединится к слушающим.

– Добро пожаловать, дорогие коллеги и гости! Я должен был бы, на самом деле, говорить по-русски, чтобы и наши ленинградские друзья меня поняли, но вы все знаете, с каким трудом мой речевой аппарат артикулирует шипящие. Так что, я надеюсь, кто-нибудь им переведет.

Удовлетворенный самокритикой, Юрген Кулламаа обаятельно улыбнулся, пригладил светлые выующиеся волосы и продолжил:

– Переступив сегодня порог этого замка, я был очень взволнован. Вы, может быть, не знаете, но мои предки родом из этих мест. Их жизнь проходила в беспросветном рабстве, пока прадед, меньше века назад, не сумел выкупить хутор у графа. Мог ли он мечтать, что наступит день, когда его внук в лакированных туфлях выйдет на дворцовый паркет? Но мы стоим здесь, и это свидетельство того, что мы – свободный народ на свободной земле, хозяева своей судьбы.

– В школе я учил, что в Эстонии крепостничество было отменено в 1816 году, – прошептал Сёрен Халлик Тоомасу Китсе.

– Пропаганда предполагает упрощения, – пробурчал в ответ коллега сквозь рыжую бороду.

Кулламаа посвятил несколько пассажей победоносному шествию науки и техники, вкратце отметил достижения развитого социализма и завершил скромно:

– Дорогие гости! От имени парткома Научно-исследовательского института настроя народа объявляю наш традиционный новогодний праздник открытым.

По его знаку приглашенный из города небольшой ресторанный оркестр заиграл «Голубой Дунай». Окинув властным взглядом следившую за каждым его движением публику, Кулламаа прошествовал в другой конец зала и склонился перед миниатюрной Мерлин Теэяр.

«Трус!» – мысленно произнесла стоявшая рядом с Мерлин Тийа Метс. Все знали, что именно она, Тийа, – любовница заведующего лабораторией промышленного планирования, но,

хотя свою официальную супругу Кулламаа на учрежденные праздники не приводил, он и за сто километров дрожал от страха перед ней.

Глядя на то, как Мерлин, с очаровательной улыбкой на тонких губах, опираясь одной рукой на локоть Кулламаа, другой приподнимает подол длинного платья, чтобы в нем не запутаться, у Тийи возникло подозрение – уж не соблазнила ли ее лучшая подруга их общего начальника во время недавней командировки в Москву? Но, по трезвому размышлению, она его отбросила – особых надежд на женскую солидарность она не возлагала, знала по собственному опыту, что сама способна отбить любого мужчину, который ей понравится, но была уверена, что хвастливая и страдающая недержанием речи Мерлин не сумела бы и на минутку скрыть такое важное событие от нее; а они в последнюю неделю все вечера проводили вместе, занимаясь шитьем бальных туалетов из материала для гардин.

Замелькали лавсановые костюмы и кримпленовые платья, и паркет быстро заполнился парами, которые, на мгновение остановившись, стали более или менее неуклюже выделять фигуры, весьма отдаленно напоминающие вальс. Только бывший танцор-спортсмен Хаим Лурье и Юлле Кала скользили по залу плавно, как лебеди по воде.

«Да, трус, но хотя бы не подхалим», – подумала Тийа, успокаивая себя, ведь в последнем случае Кулламаа пригласил бы на первый вальс Юлле: ее папа, директор крупной строительной организации, был для института одним из главных заказчиков. Или даже эту лошадиную морду Мурель Деэмант, заведующую лабораторией общественного мнения и члена партбюро, которая пыталась изобразить веселость, беседуя в углу зала с руководителем ленинградской делегации – седовласым профессором.

– Можно вас пригласить? – вдруг услышала она заданный по-русски вопрос.

Перед Тийей, по-гусарски щелкнув каблуками, остановился хорошо сложенный молодой человек. Полные губы обрамляла густая бородка, два серовато-синих глаза навывкате смотрели сверху вниз спокойно, даже несколько меланхолично.

– Конечно, можно.

Если приходилось выбирать между танцем и стоянием у стены, Тийа никогда не колебалась. Улыбаясь, она положила руку на плечо русского, и очень скоро уже он вынужден был напрягаться, чтобы не наступить на ногу лихо вертящейся партнерше.

– Если я сегодня случайно отброшу копыта, кхе-кхе, прошу на моем надгробии написать: «Павел Сергеев. Он умер, потому что пригласил на танец эстонку», – сказал новоиспеченный кавалер во время паузы между двумя танцами, утирая платком пот.

– Вы из Ленинграда? – спросила развеселившаяся Тийа. – Это надо было бы знать на случай, если встанет вопрос, где вас хоронить.

В глазах Сергеева появился надменный блеск.

– Они действительно сейчас этот город так называют. Но для нас он все-таки Петербург. Или Питер, или Петрополис – как хотите. Только, пожалуйста, не называйте его именем этого картавого большевика.

Тийа жизнерадостно и заразительно засмеялась. Она знала, что такой смех столь же неотъемлемо присущ ей, как монголоидные скулы и самый высокий в институте бюст. Но она знала и то, что, когда она так смеется, это значит, что собеседник ей нравится. Она ведь все-таки психолог.

– Простите! Постараюсь не забыть.

Она хотела спросить что-то еще, чтобы узнать, ответит ли Сергеев столь же остроумно, но тут снова заиграл оркестр, и было целесообразнее сосредоточиться на этом. Каждому наслаждению – свое время!

– Кажется, будто вышло из-под пера Эдгара Аллана По, – сказал Мартин Луйк.

Действительно, в полнолуние трехэтажное, с многочисленными флигелями и башенками здание мызы в стиле виндзорского королевского замка выглядело таинственно, если не сказать, устрашающе. Будто гигантское животное одиноко развалилось посреди заснеженных полей ржи, скорее уснувшее, чем мертвое, готовое в любой момент с ужасающим рыком вскочить и доказать свою верность историческому хозяину.

Вальдур Синиаас ответил не сразу: он, скрипя сапогами, рвался вперед, к цели, и только для того, чтобы не дать оснований полагать, будто он согласен с восторженной оценкой спутника, наконец произнес:

– Если бы нашим народом пятьдесят лет назад руководили правильные люди, на месте этого замка сейчас бы росла молодая дубовая роща.

Луйк бросил на Синиааса, который был ниже его почти на голову, удивленный взгляд.

– Ты хочешь сказать... – начал он, но не нашелся, как продолжить, и умолк.

– Я хочу сказать, что мы сами виноваты в оккупации. Если бы мы в свое время сровняли немецкие мызы с землей, Сталин бы десять раз взвесил и подумал, прежде чем направлять танки на Нарву.

У Луйка удивление сменилось восторгом. Просто поразительно, как четко Синиаас формулировал свои более чем нестандартные мысли.

Голая аллея кончилась, и перед ними возникли большие ворота, на боковой колонне которых висела медная табличка с надписью: «Клуб колхоза «Путь к коммунизму». Они вошли во двор и устремились к главному зданию. Замок-чудовище, как оказалось, вовсе не спал – в его чреве горели огни и кружились большие черные тени.

– Пир во время чумы, – заметил Луйк.

Синиаас не ответил. Пройдя последние метры, они поднялись на крыльцо.

– К разгону Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина будь готов! – пошутил Луйк, радуясь, что путешествие подошло к концу – он хоть и не был слабаком, но десять километров рядом с Синиаасом даже у него вызвали одышку. – Всегда готов! – ответил он сам себе и взялся за алюминиевую ручку на массивной украшенной резьбой дубовой двери – когда-то на ней наверняка был еще солидный бронзовый дверной молоток.

Их ослепил свет электричества и оглушили раздающиеся из глубины вопли саксофона, резонирующие под сводами и наполняющие пустое фойе трудноописуемой какофонией.

– Ребане обещал встретить, – повысил голос Луйк и посмотрел вокруг. Действительно, из-за пилона вышел бородатый молодой человек странной наружности, в мятом фраке, с пестрым шелковым платком на шее и с жезлом мажордома в руке. Он направился к прибывшим, остановился в нескольких метрах, торжественно стукнул жезлом об пол и весело провозгласил:

– Добро пожаловать на новогодний праздник Института социологических исследований! Краем глаза Луйк заметил, что Синиаас недоуменно вздернул брови.

– Пароль? – спросил он кратко и жестко.

Молодой человек во фраке содрогнулся. Вся его веселость улетучилась.

– Республика, – произнес он приглушенно.

– Свобода, – ответил Синиаас подчеркнуто твердо. – Мы сюда, в общем-то, не танцевать пришли, – добавил он.

Ребане прислонил жезл к стене и взял с подоконника канделябр.

– Пошли, – сказал он глухо, и бесшумно, как могиканин, направился в отдаленный угол фойе.

– Откуда фрак взял? – шепотом спросил Луйк у Ребане. Его охватила зависть.

– Одолжил на театральном складе, – ответил Ребане.

Взобравшись по узкой винтовой лестнице, они оказались в темном нетопленном помещении с куполообразным потолком. Ребане зажег свечи в канделябре.

– Обсерватория, – объяснил он. – Граф с помощью телескопа изучал кратеры на Луне, пока крестьяне в 1905 году его вилами насмерть не закололи.

Внимание Луйка привлек одинокий черный шахматный конь на подоконнике.

– Последнее, что здесь было, – это комната настольных игр пионерского лагеря, – прокомментировал Ребане.

У стены обнаружились три более или менее пригодных стула, так что собрание можно было начинать. Правда, их было всего трое – членов организации «Молодой эстонец», но ведь и в Комитет спасения Эстонской Республики шестьдесят лет назад входило не больше. Для начала Синиаас достал из кармана пачку «Примы» и предложил остальным. Ребане сигарету взял, а Луйк, стеснясь, вытащил «Мальборо». Он с удовольствием угостил бы и приятелей, но знал, что они считают сигареты с фильтром недостойными настоящих мужчин. Когда к потолку поднялись струйки дыма, Синиаас прибегнул к полуофициальному тону.

– Нам надо обсудить три пункта. Первый: общая политическая ситуация.

Остальные слушали его, имитируя серьезность.

– «Голос Америки» говорил на прошлой неделе, что в Таллинне прошли многочисленные аресты и обыски. Кто-нибудь знает подробности?

– Я, – ответил Ребане. – Провалилась группа инакомыслящих, эстонцы и русские вперемешку, в общей сложности шесть человек. Они написали обращение в ООН, в котором потребовали гражданских прав и свободы слова.

– Тогда это нас не интересует, – резюмировал Синиаас. – Главной целью «Молодого эстонца» было и остается восстановление Эстонской Республики. Политический эпатаж – не наша сфера, мы занимаемся по принципу *fortiter in re, suaviter in modo*¹.

Никто не возразил.

– Перейдем к практическим вопросам. Мартин, доложи, – продолжил Синиаас.

Луйк напыжился.

– Мне представилась возможность съездить на Запад, – произнес он с удовлетворением. – У Медного всадника я познакомился с одной финкой. Не знаю, как это получилось, но она, по-видимому, в меня влюбилась. Пригласила в гостиницу. Угостила икрой и шампанским. А на следующий день сообщила, что хочет выйти за меня замуж.

– Пожениться-то вы можете, но выпустят ли тебя русские за границу – особый вопрос, – с сомнением произнес Ребане.

Луйк ожидал такого возражения. Он сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил сложенный пополам цветной иллюстрированный журнал, на обложке которого молодая блондинка демонстрировала два ряда безупречных белых зубов.

– Ханнеле – кинозвезда, – продолжил он, протягивая журнал Ребане. – У нее связи среди финских политиков, даже в Эдускунта. Она меня заверила, что сама все устроит...

Ребане внимательно изучил глянцевую картинку.

– Это другое дело, – с одобрением сказал он, возвращая журнал Луйку. – Только смотри, чтобы она не исчезла, как твоя предыдущая невеста.

Луйк почувствовал, что краснеет.

– Разве я виноват, что Пиночет путч устроил? – попытался оправдаться он, пряча журнал в карман и чувствуя, как его охватывает отчаяние.

«Ох, Долорес, Долорес! – подумал он. – Где ты – в горах с партизанским отрядом или в братской могиле, выкопанной хунтой? Ведь все уже было договорено, после летних каникул собирались подать заявление. Но настала осень, и...» Его грустные воспоминания прервал рассудительный голос Синиааса.

¹ По существу дела – твердо, по способам – мягко. (Здесь и далее – прим. авт.)

– Как видите, тактика и стратегия политической борьбы не всегда совпадают. Если брать шире, свержение Аьенде пошло нам на пользу, как нам на пользу все, что ослабляет советскую империю. Но в то же время, если бы этого не случилось, Мартин уже, скорее всего, был бы на Западе.

Луйк понимающе кивнул, хотя внутренне сжался от боли.

– Я полагаю, мы должны одобрить его новую инициативу, – продолжил Синиаас. – Нам нужна связь с эмигрантами, и другой возможности для этого я не вижу. Конечно, в Финляндии тебе делать нечего. Там бал правят русские. Кекконен не осмелился бы возражать им, даже если бы они пожелали на его плечи сыграть в хоккей. Но если удастся попасть в Швецию, там ты найдешь эстонцев, которые еще не забыли о родине. Итак, ставлю на голосование: кто за то, чтобы отправить Мартина Луйка в бессрочную разведывательную командировку на Запад, прошу поднять руки. Сам Мартин не голосует.

– У меня несколько вопросов, – вмешался Луйк, когда процедура завершилась. – Как долго я должен буду там оставаться?

Ребане прыснул.

– Чего смеешься? – обиженно спросил Луйк.

– Но ведь, я надеюсь, ты не собираешься возвращаться?

– Конечно, собираюсь! – гордо произнес Луйк. – Я родину на финскую «салями» не меняю.

– А на американские сигареты? – отпарировал Ребане.

– Тише, парни, – вмешался в обмен колкостями Синиаас. – Никто в твоём патриотизме не сомневается, Мартин, но ты все же не торопись. Осмотрись, наладь связь со всеми эмигрантскими центрами, изучи, способны ли они нас поддержать – не только на словах, но и на деле, если обстоятельства потребуют. Политическая конъюнктура в мире может измениться, и мы должны быть к этому готовы.

Луйк энергично закивал.

– Мой отец говорит то же самое: государства рождаются и умирают, и ни одно из них не вечно.

– Если почувствуешь, что поездка себя исчерпала, можешь, конечно, репатриироваться, но если учуешь хоть малейшую опасность, обосновывайся на Западе и жди лучших времен. Мы – не диссиденты, нам герои в тюремных камерах не нужны.

– И еще один вопрос: если мной случайно заинтересуется пресса, должен ли я воспользоваться случаем и выступить с обвинениями в адрес Советского Союза, который оккупировал мою родину, или лучше промолчать?

– Молчи, – быстро ответил Синиаас. – Если будут задавать провокационные вопросы, изображай лояльного советского гражданина. Иначе КГБ сразу возьмет тебя на заметку, и ты для нашего дела, считай, пропал. О последствиях не тревожься: цель оправдывает средства.

Наступила тишина.

– Остается еще третий пункт, – продолжал Синиаас. Теперь настал его черед засовывать руку за пазуху. Из кармана брезентовой куртки был извлечен на свет кусок сложенной шелковой ткани. – Я, правда, сам всегда повторяю, что *suaviter in modo*, но иногда надо рисковать. В этом дворце собралось немало коллаборационистов. Пир во время чумы, как Мартин справедливо заметил по пути сюда. Советские ученые притворяются, что верят в социализм с человеческим лицом. Я в душе тоже немного ученый, хотя меня из университета и исключили, и я хочу провести небольшой эксперимент. Любопытно, начнут ли у красных профессоров поджилки трястись, когда они обнаружат, под каким флагом танцевали.

Он развернул ткань, и все увидели сине-черно-белый триколор.

Ребане возбудился. Он выхватил у Синиааса флаг и залюбовался.

– Хорошо шит! Только я вас тут не оставлю. Это закрытое мероприятие. Если вас заметят, будет скандал. Я выпущу вас через черный ход, а потом расскажу, чем все закончилось.

– Я никуда не пойду, мне завтра утром надо быть в Питере, брат обещал устроить меня в автобус гостей, – возразил Луйк.

– Хорошо, ты еще кое-как сойдешь, ты у нас летом работал – анкетировал, – согласился Ребане. – Но Вальдура мы отправим домой. У него даже подходящей одежды для бала нет.

Действительно, из-под брезентовой куртки Синиааса выглядывал поношенный свитер сельской вязки.

– Ставлю на голосование: кто за мое предложение? – спросил Ребане. Его возбуждение усилилось, он попросил остальных подождать, выбежал из помещения и довольно быстро вернулся, осторожно держа в руках пустой стакан с водой. Поставив его на стул, он отыскал в кармане фрака маленький пузырек, открыл пробку и протянул Синиаасу.

– Чистый эфир.

Синиаас ухмыльнулся, отхлебнул из флакона, запил водой и протянул оба сосуда Луйку. Подавляя отвращение, Луйк попробовал вонючую жидкость и закашлялся, вызвав снисходительную издевку Ребане.

– Ничего, на Западе тебя ждут потоки виски, – каркнул он, взял пузырек, сделал глубокий вдох, потом – большой глоток, повращал глазами, глотнул воды и только потом с шумом выдохнул. Отрыгнув, он схватил флаг и запрыгнул на подоконник.

Партнерша по танцу с высоким бюстом оказалась на удивление образованной, она даже знала, кто такой Узнадзе. Сергееву вспомнился эпизод, о котором он любил рассказывать всем знакомым женского пола.

– На государственном экзамене один молодой преподаватель попросил меня перечислить всех последователей школы Узнадзе. Скажите, пожалуйста, вы можете назвать хоть кого-нибудь из них?

– Нет, – засмеялась Тийа.

– Я разделяю вашу беспомощность. Кого могут интересовать эпигоны? Но я должен был что-то ответить этому снобу.

– Да, и что? – Тийа была заинтригована.

– Я начал перечислять футболистов тбилисского «Динамо»: Хурцилава, Месхи, Цховребов...

Тийа заразительно расхохоталась.

– Дальше я не успел – в зачетке появилась «пятерка», – завершил Сергеев удовлетворенно.

Их разговор прервала миниатюрная девушка в длинном лиловом платье, которую Сергеев заметил еще в начале бала, когда она стояла рядом с Тийей. Он тогда еще раздумывал, какую из двух эстоночек пригласить, но его дилемму разрешил Юрген Кулламаа, на правах хозяина бала забравший девушку в лиловом. Похоже, сейчас у подруги возникла какая-то проблема.

Сергеев кашлянул.

– У Мерлин сигареты кончились, – перевела Тийа.

– Всегда к вашим услугам, – сообщил Сергеев, нашел в кармане пачку «Стюардессы» и предложил девушке, носящей имя мужчины-колдуна.

– Большое спасибо, – не без кокетства ответила Мерлин и протянула руку за сигаретой.

Сергеев заметил, что ее длинные ногти покрыты фиолетовым лаком. Он встал и зажег спичку. Мерлин нагнулась к огню, и глубокое декольте открыло возбуждающую картину – бюстгальтер девушка не носила.

«Соблазнительные девицы обитают в Чухонии», – подумал он.

Когда Мерлин исчезла в толпе, Сергеев сел обратно за стол и обнаружил, что бокалы пусты.

– Закажем еще? – спросил он.

– Можно.

Перерыв в танцах они скоротали в импровизированном баре, который по случаю праздника был оборудован в охотничьем зале замка. Сергеев встал и направился к стойке, но на полпути сообразил, что с предложением поспешил: ему грозила опасность надолго застрять в длинной, больше десяти человек, очереди. Немного поколебавшись, он вернулся.

– Я очень извиняюсь, но советский образ жизни мне не подходит. Если позволите, я подожду, пока обстановка у бара будет менее напоминать очередь в Эрмитаж.

Тийа вновь расхохоталась.

– Похоже, вы весьма скептически относитесь к существующему строю.

– А как еще можно к нему относиться? Неужели вы верите в коммунизм?

– Как можно верить в такую нелепицу?

– Bravo! Анатолий Максимович Гольдберг был бы счастлив такое услышать.

– Кто это?

– Комментатор Би-Би-Си. Он каждую передачу завершает словами: пусть торжествует разум!

– Я разделяю его взгляды.

Без новой порции коктейля пребывание в накуренном зале стало неуютным.

– Как насчет небольшой прогулки? Познакомьте меня с окрестностями, ансамблем мызы, – предложил Сергеев.

– Хорошо.

Они пошли в гардероб, оделись и вышли на пандус.

– С чего начнем экскурсию? – спросил Сергеев. *Tete a tete* обязывал его к проявлению инициативы, но прежде надо было создать благоприятную обстановку. – Может, сначала осмотрим главное здание? – продолжил он, спускаясь по лестнице. – Как я понимаю, построено оно в прошлом веке. По сравнению с Петергофом, конечно, выглядит бледновато, но на фоне окружающей деревянной архитектуры предстает весьма импозантным.

Они прошли мимо дремлющих на стоянке автобусов и машин и прогулялись к отдаленному флигелю.

– Граф, говорят, был с большими странностями, – вспомнила Тийа. – Он занимался добрым десятком наук: медициной, астрономией, биологией, философией, химией, филологией и еще бог знает чем. Пытался внедрить в эстонском языке категорию рода, между прочим, безуспешно, вывел несколько новых сортов моркови и выступил с теорией, что время – понятие относительное. Вот там, видите, его обсерватория, где он изучал лунные кратеры.

– Г-мм, как я понимаю, его еще и геральдика интересовала?

Сергеев успел уже положить руку на плечо партнерши по танцу с высоким бюстом, поэтому сразу почувствовал, как Тийа вздрогнула.

– Вам холодно? – спросил он заботливо.

Тийа не ответила.

– Что случилось? Вы вся дрожите!

Спутница рассмеялась, правда, весьма принужденно.

– Нет, ничего. Просто это флаг не графа.

– А чей же? Может, на вашем празднике иностранцы присутствуют? Хотя, насколько помню, в атласе я такой расцветки не встречал. Очень интересное оформление – ни одного теплого тона: ни красного, ни желтого, ни зеленого. Только черный и белый.

– Синий, черный и белый, – автоматически поправила Тийа.

– Может быть, – согласился Сергеев. – Освещенность неважная, одной луны мало, чтобы различать темно-синее и черное. Но я все-таки не понимаю, почему какой-то флаг так действует на вас?

– Потому что это триколор буржуазной Эстонской Республики.

– Ах, вот оно что! Но такого государства ведь больше нет?

Пространство между ними буквально наэлектризовалось.

– Вы совершенно правы. Государство исчезло, и даже вспоминать о нем запрещено. А это значит, что только за один взгляд на такой флаг можно оказаться в тюрьме.

Сергеев ухмыльнулся.

– Ну, за то, что только смотришь, вряд ли.

Спокойствие кавалера повлияло и на Тийу.

– Но за водружение такого флага – всенепременно! – возразила она.

Сергеев некоторое время размышлял.

– Вы уверены, что это так опасно?

– Конечно! Вы что, не знаете коммунистов? Они ненавидят все, что было до них.

Сергеев горько усмехнулся.

– У них на это есть причины, они не выдерживают сравнения. – Он немного помолчал и решительно произнес: – Здесь пахнет провокацией. Кто-то хочет испортить ваш праздник.

Тийа кивнула: ей и самой пришло в голову то же самое.

– А что делать? – спросила она беспомощно.

Сергеев щелкнул пальцами.

– Знаешь ли ты какого-нибудь мужчину-коллегу, которому можно доверять? – Он машинально перешел на *ты*.

– Даже нескольких, – убежденно ответила Тийа.

Ответ показался Сергееву сомнительным, но спорить он не стал.

– Тогда позови его, поднимитесь с ним на башню и снимите этот незаконный стяг. Я останусь здесь, посторожу и отвлеку, если появятся любопытствующие.

Совет Тийе понравился. Не теряя времени, она почти бегом направилась к крыльцу.

Сильвер Луйк демонстративно почесал патлатую голову.

– Четыре без козыря!

– Пас, – протянул Тоомас Китсе.

Мерлин Теэяр собрала разложенные веером карты и перебрала их по одной.

– Пять червей.

Довольная сказанным, она взяла с края пепельницы сигарету и сделала глубокую затяжку.

– Пас, – бесстрастно пробурчал Сёрен Халлик.

Сильвер бросил на Мерлин пристальный взгляд из-за стекол сильных очков. Мерлин, заметив охватившее партнера сомнение, улыбнулась как ни в чем не бывало.

– Шесть пик, – торжественно объявил Сильвер.

Все быстренько спасовали. Китсе немного подумал и пошел с двойки трэф. Мерлин, поблескивая лиловыми ногтями, выложила карты на стол. Сильвер глубоко вздохнул.

– Деточка, у тебя же нет двух тузов! У тебя только один туз.

– Я думала, что у меня несколько королей и сингл, и это даст тебе возможность сыграть, – оправдалась Мерлин не без кокетства.

– Благодарю за доверие. Ладно, попытаемся выжать все что можно, – успокоил Сильвер больше себя, чем партнершу, и погрузился в размышления.

Однако составить план игры он так и не успел, потому что в бильярдную, где во время затянувшегося перерыва в танцах публика развлекалась бриджем, ворвалась, как бешеная,

Тийа Метс. Быстро оценив обстановку, она подошла к столу, наклонилась к уху Сильвера и что-то прошептала. Сильвер выслушал, кивнул, положил карты, не открывая, на стол и встал.

– Прошу прощения!

Все запротестовали.

– Когда игра складывается, он утверждает, что важнее маленького шлема может быть только большой шлем, а когда я сам собираюсь оставить его без двух, он исчезает в неизвестном направлении! – рассердился Сёрен Халлик.

– Тийа, что тебя так напрягло? Не понравились объятья русского медведя? – пошутил Тоомас Китсе.

– Нет, появилась жена Кулламаа, – нанесла ответный укол Мерлин.

Тийа быстро передумала.

– Произошло нечто чрезвычайное, – сказала она приглушенно. – Кто не боится неприятностей, может пойти со мной.

Излучаемое ею возбуждение передалось и другим, они бросили карты на стол и последовали за Тийей сначала в фойе, а оттуда – через низенькую дверь в длинный коридор. Там Тоомас Китсе решил обзавестись более подробной информацией.

– Куда ты нас все-таки ведешь?

– Кто-то поднял на башне обсерватории сине-черно-белый флаг. Надо его снять, пока народ не увидел.

Халлик присвистнул, а Мерлин пришла в неописуемый восторг.

– Потрясающе! И кто бы мог быть этим героем?

– Не героем, а ослом, – парировала Тийа.

– Сама ты ослица! – вскрикнула Мерлин и остановилась. – Метс, ты ведь это не серьезно говоришь, что идешь снимать флаг?

– Головой подумай, Теэяэр, какой скандал из-за этого разразится!

У подруг было заведено называть друг друга по фамилиям – как часто бывает у эстонцев. Китсе засомневался.

– А если нас кто-то заметит? Как мы докажем, что не мы этот флаг водрузили?

– Советую поискать где-нибудь красный флаг и воткнуть его рядом с сине-черно-белым, – балагурил Халлик, но глаза его излучали страх.

– Так вы идете или нет? – начала терять терпение Тийа.

– Просьба дамы – закон, – произнес Сильвер Луйк и пошел впереди.

Тийа поспешила за ним.

– Надеюсь, вы не станете объявлять на весь зал о том, что увидели? – бросила она через плечо, опасаясь, что сомнение Сергеева насчет надежности ее коллег, кажется, оправдалось.

– Пока мы еще ничего не видели, – пробормотал Халлик и двинулся вслед за Луйком.

– Разве не примечательно, что все государства придают такое большое значение символическому? – пустился теоретизировать Китсе.

Мерлин еще колебалась.

– Черт возьми, они его сорвут раньше, чем я успею его увидеть, – сказала она в сердцах и поспешила за остальными.

В башне обсерватории их приветствовал сквозняк – одно из окон было нараспашку.

– Кто-то здесь был, – произнес Сёрен Халлик, указывая на три стула посреди помещения.

– Потрясающее наблюдение! – прокомментировала Мерлин не без иронии. – А может, ты думаешь, что флаг с неба упал?

Сильвера обнаруженное почему-то озаботило. Все бросились к окну, а он сел на корточки и зажег спичку.

– Что ты ищешь? – спросил Халлик скорее недоверчиво, чем из любопытства.

– Пятна крови, – сдержанно ответил Сильвер и что-то спрятал в карман.

– Какой красивый флаг! – раздался восторженный голос Мерлин. – У меня рука не поднимется его снять.

– А у меня не только не поднимется, но и не достает, – протянул Китсе. – Боюсь, без крана здесь делать нечего.

– Разрешите? – сказал Сильвер и ловко запрыгнул на подоконник. – В армии меня заставляли заниматься альпинизмом. Ни за что бы не поверил, что это мне когда-нибудь пригодится, – весело сообщил он, вылез на карниз, а вскоре вернулся с флагом в руках.

– Покажи! – потребовал Халлик. Взяв в руки кусок ткани, он исследовал его с особым интересом. – Любопытно, кто его сюда воткнул. Не лесные же братья? Поговаривали, что прошлым летом последнего выловили.

С окончания Второй мировой войны прошло почти тридцать лет, и вооруженное сопротивление, которое оказывала советской власти часть коренного населения, давно было подавлено.

– Герилья бессмертна, какое бы название она ни носила: партизаны, гайдуки или финские партизаны сиссы, – счел нужным сказать Китсе.

– Например, маки, – сказал Халлик, передавая флаг Китсе. – Парадоксальная история. Иной раз партизан называют героями, а иногда они остаются в истории как бандиты. Все зависит от того, одерживают они в конечном счете победу или нет. ИРА считают террористами, но если они когда-нибудь придут к власти в Северной Ирландии, английская королева протянет им руку для поцелуя.

– А нельзя отличать героев от бандитов по тому, воюют они только с оккупационными войсками или вредят и гражданскому населению? – включилась в дискуссию Тийа.

– Идеалистка! – ухмыльнулся Китсе, передавая флаг Мерлин. – Битв, в которых не пострадал ни один невинный человек, не бывает. Наоборот, самая большая жестокость обычно проявляется по отношению к гражданским лицам, потому что они безоружны и неспособны защищаться.

– Я думаю, что стремление давать явлениям моральную оценку уводит вас от сути проблемы, – вмешался в разговор Сильвер Луйк. – Каков основной признак партизанской борьбы? Регулярная армия воюет с негосударственной. Одна – великолепно организованная, другая, по объективным причинам, – гораздо хуже. Таким образом, соотношение сил предопределено. Это как битва двух армий из разных эпох. Или сафари, если хотите. Сторона, пытающаяся установить свой порядок, воюет, опираясь на собственные законы. Партизаны в открытую битву вступить не могут и вынуждены ограничиваться ударами из-за угла. То есть пользуются подлыми приемами в благородных целях. Подумайте сами: что это за герои, которые убивают женщин и детей, оправдываясь тем, что это коллаборационисты? С другой стороны, какие они бандиты, если живут в землянках и питаются брусникой?

– Не понимаю, куда ты клонишь, Сильвер, – бросила Мерлин.

– Я хочу сказать, что причины возникновения партизанского движения надо искать глубже. Например, в склонности человека действовать из соображений не разума, а мифологии. Любая власть – это реализация какого-то мифа. А если сталкиваются два мифа, начинается герилья. И чем ближе миф к зародышевой стадии, тем упорнее за него цепляются.

– Значит, наш миф весьма развитой, от него уже ничего не осталось, – пробормотал Халлик.

– Как это ничего? – возразил Сильвер. – А это здесь? – Он снова забрал флаг у Мерлин. – Это, по-твоему, постельное белье?

– Флаги не стреляют, – не сдавался Халлик.

– Поживем – увидим, – произнес Сильвер, свернул триколор и сунул во внутренний карман. – Если будет позволено, я подарю его своему отцу, он обожает все антикварное.

Вернувшись из обсерватории, небольшая компания смешалась с гостями. Около входной двери Тийа заметила нервно топчущегося Сергеева и поспешила к нему, а внимание Сильвера привлек некий молодой человек, который перед зеркалом приводил в порядок свою битловскую прическу. Оставшись, наконец, доволен результатами этой, казалось, весьма важной процедуры, он посмотрел вниз и, наверное, обнаружил, что его остроносые танцевальные туфли не совсем чистые, потому что достал из кармана элегантную портативную сапожную щетку и поставил ногу на урну.

Сильвер незаметно подкрался к нему.

– Привет, братишка! Где это ты так туфли испачкал?

Мартин Луйк испугался, но быстро оправился.

– Не на той остановке вышел, пришлось несколько километров по проселочной дороге топтать, – соврал он, поорудовав еще немного сапожной щеткой и выпрямился. – Так эти ленинградцы прибыли или нет?

– Прибыли. Пойдем, я тебе одного представлю.

Не дожидаясь ответа, Сильвер направился к выходу. Мартин, несколько удивленный, последовал за ним, на ходу засовывая в карман сапожную щетку. На крыльце Сильвер быстро и оценивающе огляделся, убедился, что поблизости никого нет и достал из кармана сложенный флаг.

– Твоя работа? – резко спросил он.

– Что? – Мартин притворился, что ничего не понимает.

– Не пытайся мне врать. Я видел, как ты с приятелями крался к обсерватории.

Луйк бросил быстрый взгляд туда, где должен был висеть флаг, ничего не увидел и нахохлился.

– Кто тебя просил... – начал он, но осекся, увидев ухмылку на лице старшего брата.

– Попался! Не умеешь врать. Я же тебя, как говорят русские, на пушку взял, а ты поверил, – сказал Сильвер и спрятал флаг за пазуху.

– Ничему я не поверил, да и не собирался ничего скрывать, – упорствуя, сообщил Мартин.

– И чего вы надеялись этим достичь? Думаете, народ увидит и придет в восхищение?

– А почему бы и нет? Все-таки символ свободы, – продолжал упрямяться Мартин.

Сильвер поправил очки.

– Не все так считают. Например, Мурель Деэмант утверждала в речи на последнем торжественном собрании, посвященном ноябрьским праздникам, что буржуазная республика высасывала кровь у трудящихся.

Мартин молча пожал плечами, как бы желая сказать: что мне какая-то Мурель Деэмант?

– Как ты думаешь, чем закончилась бы ваша акция, если бы счастье обнаружить твой символ свободы выпало Мурель? – продолжил Сильвер.

Луйк упорно молчал.

– Я тебе скажу, что бы произошло. Научной карьерой Мурель точно бы рисковать не стала. Она бы тут же позвонила в милицию, а та, в свою очередь, подняла бы на ноги КГБ. Через час двор кишел бы черными «Волгами». Нас бы всех допросили. И первым под подозрение попал бы ты, поскольку не работаешь в институте.

– Я летом помогал анкетировать, – возразил Мартин.

– Да? А ты не боишься, что если этот факт начнут расследовать, то могут всплыть неприятные нюансы? Юлле Кала пару недель назад спрашивала у меня, не сам ли ты заполнил анкеты. У Тоомаса Китсе при кодировке сложилось такое мнение.

Мартин почувствовал, что краснеет: упрек попал в цель. Получив в институте пачку анкет, он не помчался искать опрашиваемых, а позвонил знакомой балерине, они вместе поехали на пляж, а когда задохнуло, отправились в театральное общежитие. В одном из этих

мест – то ли на пляже, то ли в постели балерины – Луйк и ставил галочки против приемлемых, по его мнению, вариантов ответа. Он недавно написал первые в своей жизни стихи и убедил себя, что для развития творческой фантазии полезно представлять себе, как оценивает автобусное сообщение семидесятипятилетний пенсионер или шестнадцатилетняя школьница.

– Так что не надейся, что они тебя защитят, – продолжил Сильвер. – Между прочим, никакой пользы от этого не было бы. В КГБ не любители работают. Они просят показать, что у тебя в карманах.

Мартин облегченно рассмеялся.

– И что они там найдут?

Он вывернул карманы пиджака – для обозрения проявились пачка «Мальборо» и коробок спичек. Сильвер усмехнулся и тоже сунул руку в карман.

– Надеюсь, ты согласишься, что, кроме тебя, здесь вряд ли кто курит такую редкую марку. Если да, то смотри. Как думаешь, где я нашел эти окурки?

Потрясенный Мартин молчал.

– Вот так, господа конспираторы! – съязвил Сильвер.

Он выбросил окурки за ограждение крыльца, как бы признавая серьезный разговор оконченным, окинул младшего и более высокого брата насмешливым взглядом.

– Ты, кажется, собирался съездить в Ленинград? – спросил он дружелюбно.

Мартин не ответил.

– Пошли!

Они нашли Тийу одиноко сидящей за столом в полупустом баре.

– Куда твой русский медведь пропал? – поинтересовался Сильвер.

Тийа усмехнулась.

– Грабит улей.

Сергеев стоял у стойки бара и с восхищением смотрел, как ловко бармен смешивает коктейль «Белые ночи».

– В порядке ответной услуги, – подмигнул Сильвер Тийе, – пристрой моего младшего братца на автобус наших питерских коллег. У Мартина завтра экзамен по истории театра, хорошо бы ему не опоздать. А я, с вашего позволения, пойду потанцую немного.

Простившись с братом, Сильвер направился в зал и в дверях столкнулся с Хаимом Лурье.

– Коллега Лурье, где вы оставили свою партнершу? – спросил он, притворяясь равнодушным.

Лурье, в таких же сильных очках, как и Сильвер, грустно улыбнулся.

– Юле пожаловалась, что мой танцевальный стиль ее утомляет.

– Полагаю, она хотела сделать тебе комплимент, – утешил Сильвер друга, хотя почувствовал, что от радости его сердце готово выпрыгнуть из груди.

«Сегодня или никогда», – подумал он и решительно поправил узел на галстуке.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Губернский город Ревель

Глава первая

Поэт на государственной службе

Середина 90-х

Проклятая тюремная камера! Комната, где разбиваются сердца, где разум порождает чудовищ, «оставь надежду всяк сюда входящий»! Словно прокуратор Иудеи, Луйк ненавидяще оглядел, правда, не город Иерусалим, а четыре стены, два окна, стулья и книжную полку с «Речами спикера», словом, свой кабинет. Что еще делать спикеру, если не держать речей? Не

снимая пиджака, он сел за стол и стал набирать номер шефа-приятеля. Этому надо было положить конец, этому надо было немедленно положить конец! Он не чиновник, он не создан для государственной службы! Что было, то было, но сейчас, когда сосняк...

- Департамент видов на жительство.

Красивое название, не правда ли? Хотя точнее было сказать: видов на жизнь... Есть вид – живи, нет... Если жить запрещено, то умереть все-таки позволено?

подавив саркастическое настроение, Луйк придал голосу мягкость:

- Алло, можно Андреаса?

Это именно Андреасу он посоветовал поставить перед главным зданием департамента гильотину, чтобы избавить оставшихся без вида на жизнь от мук длительного умирания – Андреас даже не улыбнулся, он был начисто лишен чувства юмора.

- Кто его спрашивает?

Чертова стерва, можно подумать, она его не узнала.

- Мартин.

- Секундочку... Андреас занят. Перезвони, пожалуйста, через полчаса.

И все. Такова жизнь подчиненного. Луйк встал, снял пиджак и повесил его на плечики – в кабинете было жарко. Весна, а топят как в январе. Конечно, деньги казенные, виски на них не купишь... Правда, в Эстонии назвать весенним месяц май можно лишь весьма условно... Он подошел к окну и бросил тоскующий взгляд на большой декорированный, в основном, мусорными ящиками внутренний двор, где, как обычно, копошились беззаботные клошары. Они ни у кого не спрашивали разрешения на жизнь, но были ли они несчастнее него? В следующую секунду он почувствовал, что находится в кабинете не один, повернулся и увидел, что без стука вошла Ред. От нее не спасет ни плотно закрытая дверь, ни замок – если надо, она пройдет и сквозь стену. Гордая, холодная, высокомерная и костлявая. Входит без спроса, не здоровается, не извиняется. Поди определи, кто начальник, а кто секретарша.

На его стол легла папка. Без единого слова!

- Что тут?

- Представления. За особые заслуги.

После этого исчерпывающего объяснения Ред удалилась. Для нее Луйк был чем-то вроде червяка. Госслужащий по случаю. Все эти типы приходят и уходят, а она остается. За четыре с половиной года Луйку привелось работать в подчинении трех секретарш, и все они относились к нему точно так же. Четыре с половиной года, подумал Луйк, неужели так много? Как будто только вчера он, грязный и нервный, тащился в древнем тряском вагоне из Ялты на многострадальную родину, дабы сдернуть с гвоздя пылившееся на стене хутора дедушки Юлиуса охотничье ружье и ринуться в неравный бой с танками ГКЧП. Четыре с половиной года на госслужбе. Для мужчины сорока пяти лет стаж, конечно, смехотворно короткий – но что поделаешь, если раньше не было государства, службой которому он мог не побрезговать? Империи Луйк не служил ни дня, с ней он только боролся, да, но когда в один прекрасный день ему начнут насчитывать пенсию, этого ведь никто учесть не подумает? Значит, он все-таки вел себя правильно, когда, следуя рекомендациям папы Харальда, и во время оккупации пристраивал то туда, то сюда трудовую книжку, без своей скромной персоны, разумеется.

И чем же в те времена занимались те, кто ходатайствовал теперь о гражданстве за особые заслуги? Он хотел уже открыть папку и взглянуть на представления, но затрещал коммутатор.

- Мартин, телефон!

Это звучало почти как приказ. Мартин, телефон! Мартин, совещание! Мартин, почисть мои сапоги!.. Последнее было небольшим поэтическим преувеличением, но только небольшим. «Харальд, почисть мои туфли! Харальд, вынеси мусорное ведро! Харальд, сходи за хлебом! – сколько раз он слышал в детстве, как мать дает отцу указания?

- Никогда раньше я так не любил жизнь! – пропел Луйк про себя и нажал на кнопку.

- Марц?

Голос Андреаса звучал, как всегда, надменно, демонстрируя, что ему все обрыдло, и пользовался он тем же примитивным сокращением, что и в школьные годы.

- Я слушаю.

Несмотря на фамильярность шефа-приятеля, Луйк добавил голосу мелодичности.

- Марц, мне нужно тебя видеть!

- Наше желание обоюдно.

- Я написал текст опровержения. Послушай: «Как объяснил Андреас Хабитус, сравнивая Эстонию с Таджикистаном, он имел в виду только общую историческую судьбу этих двух стран, но никак не сиюминутное политическое положение». Годится?

- Вполне, - сказал Луйк веско. – Твое счастье, что тебе не пришлось в голову провести параллели с Литвой или Латвией, тогда бы ты так легко не отделался.

- Вот и хорошо. Я хочу, чтобы ты прочел это целиком. В четыре у меня.

- Я могу и сейчас, - сказал Луйк быстро.

- Сейчас я занят.

Из динамика слышались гудки – попрощаться было выше душевных сил шефа-приятеля.

Интерес к представлениям увял так же быстро, как и возник. Чего такого занимательного они могли содержать? Родился, учился, работал, вступил в партию... О последнем, конечно, уже не упоминали, это надо было выяснять ему, как и насчет отношений с определенными органами, не внутренними, разумеется. Он посмотрел на часы: ровно половина одиннадцатого. С минуты, когда он за костлявой спиной Реды прокрался в кабинет, прошло всего лишь четверть часа. Немного маловато, чтобы уйти – но с другой стороны, чего ради держать цирк открытым, если клоун снимает грим с лица? Он встал, вынул из кармана пиджака подаренную ушедшим приятелем Варраком вечную ручку, снова сел за стол и написал своим каллиграфическим почерком заявление об уходе.

- Я иду в Большой дом, - обронил он, проходя мимо Реды.

В конце концов он не обязан отчитываться перед секретаршей, к которому часу его туда пригласили.

Ну что, дружище, это, кажется, наша последняя совместная поездка, подумал Луйк, направляясь к средству передвижения с номерным знаком 777 МАХ, которое он, в зависимости от настроения, называл или Храбрым портняжкой (777 одним махом), или портвейном «Три семерки». Однако никакой печали от предстоящего расставания он не чувствовал: в отличие от многих он не любил машину, как друга, и не обожал, как любовницу, а презирал и боялся, как раба, который вынужденно работает на тебя, но в душе готов в любую секунду тебя предать или даже убить, и которого ко всему прочему надо кормить, поить и даже – о ужас! – мыть. Луйку никогда не нравилось горбиться над мотором, пачкая руки машинным маслом, или возлежать под корпусом и вместо романтических звезд небесных глазеть на болты непонятного назначения. Его не привлекал даже процесс манипулирования рулем, в каковой миллионы мужчин по всему свету сублимировали свое неудовлетворенное желание править государством; однако его нетерпеливая натура требовала постоянной смены мест – требовала столь настойчиво, что даже готова была ради служебной машины выносить служебные же обязанности. Но теперь это время прошло, и вполне возможно, что он уже сегодня сменит Храброго портняжку на другого, тоже, конечно, издевавшего тяготы жизни, но принадлежащего лично ему слугу – разумеется, если деньги пришли. Если...

Здравствуй, грусть, говорят некоторые. Здравствуй, паника, сказал Луйк, забираясь в кабину. Состояние это было ему хорошо знакомо, но лекарства от него, как от насморка, попросту не существовало. Против судьбы и проходимцев дитя человеческое беспомощно, - имел

обыкновение философствовать старый приятель и ренегат Тийт Ребане, и, в отличие от выбора жизненного пути, в этой части приходилось с ним соглашаться. Ты мог навести в своих планах на будущее полный ажур (это было уже любимое словечко папы Харальда), но вдруг откуда-то возникал некто Пиночет, и да помощи Таара. Конечно, Луйк сражался, не сдавался, выкручивался, начинал все сначала и в конце концов все-таки достигал цели - как и тогда, когда пропавшей без вести в чилийской мясорубке Долорес была найдена замена в лице Ханнеле, но никакой особой радости эти победы ему не доставляли. Хорошее должно рождаться без напряжения, только тогда удовольствие от него может быть полным – но «без» ничего уже давно на свет не являлось.

И впрямь, кто мог гарантировать, что скупщик его не обманул? Да, казался солидным молодым человеком, с косичкой и на ситроене, но разве мало Луйк читал про авантюристов, использующих еще более утонченную маскировку? Когда поехали посмотреть сосняк, парень принялся рассказывать, что в школьные годы играл в драмкружке – а если он овладел системой Станиславского чересчур хорошо? Может, он уже летит в Гонолулу с деньгами Луйка в кармане, в то время как тот тут заводит, как наивно полагает, в последний раз служебную машину?... Да, второе, более нервное «я» Луйка буквально билось в судорогах, требуя немедленной проверки банковского счета, и, дабы успокоить товарища, Луйк даже отказался от тишины, что, увы, не помогло, ибо по радио передавали отнюдь не серенаду «Эль Пасо», а новости, и заунывный голос дикторши, тембр которого напоминал о Лие Лонг Дринк, только увеличивал раздражение.

Поскольку была пятница, улица, на которую Храбрый Портняжка свернул, напоминала старт парусной регаты, вместо моря устроенной почему-то в узком русле реки. Отдельные наглые лихачи, правда, и здесь находили возможность оставить прочих далеко за спиной, один из них даже обогнал трамвай с левой стороны, но Луйк для столь рискованных маневров пока не созрел, в его устном собрании стихов еще не хватало двух-трех, и потому он конформистски смирился с общим течением и стал терпеливо ожидать приближения банка.

У каждого мужчины должно быть по крайней мере шестизначное число крон и трехзначное любовниц (последних, конечно, не одновременно), тогда мир станет намного более красив и дружелюбен, констатировал Луйк через 23 минуты, остановившись на миг на ступеньках из неведомого светлого камня и предложив солнцу и Борею поконкурировать за воздействие на кожу его лица. Он сразу почувствовал себя другим человеком. Скупщик оказался честным парнем, и сознание того, что в этом жалком мире кому-то еще можно доверять, в течение нескольких мгновений грело его душу столь же сильно, сколь радость от вдруг обретенной платежеспособности. Но затем идеалистический порыв - в конце концов, заключая сделку, бизнесмен с косичкой не забыл и себя, развеялся, сменившись ироническим воспоминанием о чрезмерной вежливости банковского клерка, которая как раз и свидетельствовала о ничтожестве мира: есть деньги, есть уважение, нет денег, нет уважения. Да, презренный металл или, вернее, презренные бумажки (цена золота, как Луйк прочел в газете, все падала и падала) в долгосрочном смысле означали все-таки больше, чем относительная честность какого-то олуха. Теперь надо было разобраться с вопросом, мучившим обычно русских: что делать? Платить по счетам? Пожалуй, но в каком порядке?

Поскольку перевес Борея над солнцем был очевиден, Луйк покинул крыльцо банка и снова водворился в тонкие, но крепкие стены Портвейна «Три семерки», куда ветер проникнуть не мог, так что у долгов появилась возможность без лишней суеты собраться, построиться и доложиться. Отопление, горячая вода, холодная вода, газ, свет, телефон. Мусор, воздух... Последнее пока было опять-таки небольшим поэтическим преувеличением, но наверняка только пока, ибо в скорейшем будущем к носу и рту каждого новорожденного несомненно начнут прилаживать счетчик кислорода, победное шествие капитализма позволяло прогноиро-

вать это с довольно большой вероятностью. Еще надо было забрать из галереи «Дуб», картину, которая Луйку не нравилась, но сохранения которой требовало чувство чести (наследство папы Харальда он выставял на продажу, только впадая в крайнюю нужду), и вернуть Юхану долг с рядом нулей умеренной длины. А сколько предстояло покупок! Его потребности отнюдь не ограничивались машиной, подкладка единственного, парадного и повседневного, приобретенного в конце советского времени твидового пиджака порвалась в нескольких местах, а нежная кожа Луйка не выносила трения. Но с чего же все-таки начать? Юхан после последнего увольнения перебрался в Тарту, и его банковских реквизитов Луйк не знал. Счета за воздух и прочее надо было еще найти в неразберихе, царившей на его письменном столе, а перед тем, как посетить магазин готовой одежды, было бы желательно принять душ и сменить рубашку... Итак, выбор предельно сузился: авторынок или галерея? Луйк выбрал галерею.

Без трех минут четыре Луйк на всякий случай накрыл «Дуб» пустыми полиэтиленовыми мешками - не столько опасаясь воров с художественными наклонностями, сколько исходя из максимы «избави ближнего от искушения», вылез из Портвейна «Три семерки» и направился к главному зданию департамента видов на жительство, взвешивая на ходу, какой путь к кабинету шефа-приятеля предпочесть, короткий или длинный. Простой, если исходить из количественной стороны дела, вопрос превращало в дилемму то, что более экономный на вид маршрут пролегал по коридору, где толкались десятки, а иногда даже сотни иллегальных иммигрантов, надеявшихся благодаря длительному пребыванию на территории недавно созданного государства освободиться от хлопотного префикса «ил». Сами они сочли бы естественным, если бы вид на жительство, а еще лучше паспорт гражданина Эстонской республики доставили им на дом на известной по русской литературе тарелочке с голубой каемкой, а так как этого все не происходило и не происходило, то взгляды их отнюдь не светились беззаботной радостью... Луйк прислушался, какой из внутренних голосов подаст знак, их было два, один, суровый бас, чеканил беспощадно: «Казнить, нельзя помиловать», другой же, мягкий тенор, умолял: «Казнить нельзя, помиловать!» Бас подстегивал его проверить нервы и храбро, даже с определенной долей злорадства, промаршировать мимо закованной в очередь пятой колонны, тенор же будил угрызения совести... Как сказала Оттилия? Тот, кто разработал такой закон, в детстве мучил кошек. Да, именно так, и приходилось признать, что в человеческом смысле любовница была права.

Покинуть должность, унося с собой неприятные воспоминания, Луйк не хотел, потому выбрал длинный и окольный путь, прошел в конец здания, взлетел с легкостью альпиниста по крутой лестнице на четвертый этаж, открыл потайную дверь, спустился по другой лестнице на двадцать две ступеньки, вошел в приемную шефа-приятеля и направился прямо...

- К нему нельзя!

Луйк остановился так резко, словно перед ним возникла стена огня – сравнение было отнюдь не беспочвенным, если б кто-нибудь нечаянно капнул на ковер перед дверью в кабинет Андреаса чуточку бензина, жгучий голос секретарши вполне мог бы его воспламенить.

- Андреас вызвал меня к четырем, - объяснил Луйк мягко, мелодично, почти что обо-
льщая. Попадались женщины, которые получали удовлетворение единственно от его голоса.

- Там делегация из Брюсселя. Скоро должны закончить.

Об удовлетворении это фригидное существо, конечно, и помыслить не могло, но дружеское стало и даже, перед тем, как снова уставиться в монитор, как будто почти улыбнулось Луйку.

Луйк сел (не надо ждать милостей от природы) и нащупал в кармане сложенный лист бумаги – шуршит, следовательно существует. Его последнее жертвоприношение на алтарь бюрократии. Какую глупость сделали гуманисты, добившись всеобщей грамотности! Качество поэзии от этого не повысилось, добавились только тонны макулатуры. Что подумают о нас при-

шелыцы, которые через пару тысяч лет, после того, как ядерное облако третьей мировой войны рассеется, рискнут приземлиться и откроют двери земных архивов? Что наша цивилизация состояла из идиотов, недостойных лучшей судьбы?

Апокалиптические мысли прервались, поскольку из кабинета шефа-приятеля послышались приближавшиеся голоса и шаги, затем открылась дверь, и, словно низкая морская волна, в приемную хлынула группа иностранцев, выглядевших точь-в-точь, как в былые времена советские люди. Вследствие демократизации, европейцы стали одеваться дешево, безвкусно и одинаково, определить по виду их национальную принадлежность было совершенно невозможно, да и пиджин-инглиш, на котором гости обменялись с Андреасом последними предложениями, вполне мог принадлежать, например, латышам – но, с другой стороны, разве латыши не были иностранцами?

- Бай-бай! - пропели уходящие хором.

- Бай-бай! – прогудел в ответ высокий и плечистый, напоминавший стоящего на задних лапах медведя Андреас, глупо улыбнулся и помахал рукой.

Это звучало почти как русская колыбельная:

- Спи, малыш, спи, баюшки-баю, спи, а то придет Кащей, баюшки-баю...

Как только дверь приемной закрылась за последним из гостей, Андреас перестал улыбаться и сказал Луйку своим обычным тоном человека, которому все осточертело:

- Заходи.

Шефов-приятелей у Луйка было два, и он менял их, как полотенца – как только одного увольняли, переходил в подчинение другого, система действовала безотказно, поскольку начальники принадлежали к разным партиям, когда к власти приходила одна, на руководящую должность садился Андреас, когда другая – тот самый Юхан, которому Луйк был должен сумму с умеренным числом нулей. Обе партии пользовались широкой поддержкой масс и имели большой политический опыт, если, конечно, можно говорить о таковом в государстве, которому не исполнилось даже пяти лет, пусть оно и старалось всем внушить, что скоро ему стукнет восемьдесят, следовательно, не надо было бояться, что какой-то третьей удастся сформировать правительство без их участия. В то же время политика партий отличалась достаточно, чтобы предотвратить их объединение в избирательный блок, что поставило бы Луйка перед неразрешимой дилеммой. Его главным достоинством в глазах обоих начальников была верность, которую невозможно было бы сохранить, если бы оба одновременно призвали его на помощь (на его службу обоим, но поочередно, шефы-приятели закрывали глаза, должен же был Луйк как-то зарабатывать на хлеб насущный). Кстати, однажды сложный политический расклад чуть не привел-таки к созданию коалиции, и тогда Луйк взволновался до такой степени, что сбегал, прикинувшись тяжело, может, даже неизлечимо больным, в лоно лесов, на хутор дедушки Юлиуса. К счастью, в последнюю секунду предполагаемый союз, как то случается с чересчур поспешными помолвками, распался, что спасло Луйка от трудного выбора.

Любопытство было вероятно одной из самых стойких черт Луйка.

- Что за делегацию ты осчастливил приемом?

- Кого еще может интересовать наш скромный департамент, если не очередных защитников прав человека? Голландец, швейцарец и бельгиец обеспокоены тем, что великое и могучее эстонское государство ущемляет маленьких несчастных русских. Что бы они сказали, если бы я поехал к ним защищать права арабов?

Андреас подошел к книжной полке и вытащил из-за «Речей спикера» (они украшали собой все кабинеты, как некогда «Малая земля»), початую бутылку виски.

- Я за рулем, - сказал Луйк поспешно.

- Мы все за рулем.

Налив в два пластмассовых стаканчика немного жидкости цвета плохого коньяка, начальник протянул один с решимостью, исключавшей возражения, Луйку, лениво прошел с другим в

дальний конец просторного кабинета, где у большого окна было обустроено его рабочее место, и повалился в удобное, заказанное специально по его габаритам кресло. Луйк последовал за ним, и поскольку его вера в милости природы за последние пять минут отнюдь не укрепились, и на этот раз сменил положение стоя на положения сидя без приглашения.

- Кстати, до меня у них была еще одна встреча. Угадай, с кем, – бросил Андреас с легкой издевкой в голосе и водрузил ноги на край письменного стола.

Насмотрелся американских фильмов, подумал Луйк машинально, одновременно настораживаясь.

- Конечно, с твоим приятелем Сергеевым, - продолжил Андреас, подтверждая наихудшие подозрения Луйка. – Тот опять рассказал им кучу страшных историй. Избирательного права у русских нет, на госслужбу их не берут, заставляют зубрить какой-то противный и трудный язык... Одним словом, дискриминация, почти апартеид. Когда Москва бомбит Грозный, это, конечно, не первое и не второе.

- Да, что касается Чечни, Дудаев-то жив или мертв? – спросил Луйк быстро, чтобы сменить тему. Старый приятель и нынешний враг Сергеев был его больным местом, в которое садист Андреас при любой возможности пытался ткнуть

О Дудаеве начальник знал не больше, чем Луйк, но велика важность, главное, что внимание Андреаса было отвлечено на внешнюю политику. Какое-то время они обсуждали югославский кризис, потом Луйк прочел опровержение, в котором шеф-приятель дезавуировал собственное неудачное сравнение эстонцев с таджиками, порекомендовал добавить одно предложение, разъясняющее исторический контекст, и после того, как Андреас, что-то довольно буркнув, записал его, нашел, что настал благоприятный момент ознакомить шефа-приятеля с тайной целью своего визита.

- Кстати, что касается моих прав человека, - сказал он с притворным безразличием и запустил руку во внутренний карман.

Андреас взял протянутый ему листок, зевнул и поправил очки, Луйк же перевел тоскующий взор на окно. Андреасу, как большому начальнику, не приходилось изо дня в день восхищаться неутомимым интересом клошаров к мусорным ящикам, из его кабинета открывался вид на залив, где и сейчас белел больше, чем парус, целый пароход. И мы тоже скоро отправимся в зарубежный вояж, подумал Луйк с надеждой. Возможно, уже завтра. Он попытался угадать, как шеф-приятель прорегирует на его заявление. Отношение Юхана он представить мог: тот, как бывший пчеловод, рассматривал госслужбу как тяжкую обузу, и сам, избавляясь от нее, вздыхал с облегчением («люди жалят намного больней, чем пчелы», - любил он говорить), но Андреас, в прошлом историк, представлял свою жизнь не иначе, как часть истории, и поскольку сам он одно время истово исполнял обязанности личного секретаря при персонаже, ныне возведенном в ранг спикера, то теперь, в свою очередь, ожидал от Луйка такого же уважения.

Андреас читал долго. Его крупные, сорок пятого размера ноги лежали скрещенные на столе, напоминая крокодила с раскрытой пастью.

- Ты что, заболел? – спросил он наконец, пользуясь этим словом, конечно, в психическом, а не физическом значении. Было видно невооруженным глазом, что начальник не верит в честность заявления и старается понять, с какой задней мыслью оно написано.

- Ты же знаешь, я давно хотел вернуться к своим баранам, - живо запротестовал Луйк против попытки обвинить его в неискренности.

- На что ты жить будешь?

- Малотребовательному человеку достаточно и собачьих консервов.

Эта невинная реплика имела неожиданный эффект, Андреас чуть было не скинул ноги со стола.

- Ты что, продал сосняк? – спросил он, стараясь скрыть зависть – самому ему реституция не принесла ничего.

- Крупно повезло, что нашелся покупатель, - ответил Луйк скромно.

Что-то злобно буркнув, шеф-приятель разорвал листок на четыре части и пренебрежительно кинул под стол, в корзину или мимо той.

- Хочешь оставить меня с глазу на глаз с тремястами тысячами псевдожителей? – выпалил он.

Луйк почувствовал себя польщенным – скажите еще, что нет незаменимых людей – но, несмотря на это, продолжил:

- Андреас, переходный период закончился, государство крепко стоит на ногах. Мы боялись первого декабря, но с того дня прошло почти полгода². Россия смирилась с положением дел, пятая колонна тоже. Видишь, как покорно они часами стоят в очереди? Я думаю, родина впредь вполне обойдется без моей помощи.

- И кого я возьму на твое место?

- Начальника тартуского отделения.

- Этого имбецила?

- Тогда повысь кого-то из наших.

- Здесь ведь одни бабы.

- Они еще вполне в форме.

- И даже слишком.

Телефонный звонок прервал обмен репликами. Пока Андреас говорил (заискивающий тон показывал, что со спикером), Луйк раздумывал. Было видно, что без ссоры его не отпустят. Но именно ссориться Луйк не любил, даже с врагами, не говоря о приятелях. Итак, надо было найти некий хитрый маневр, прикрывшись которым...

Разговор закончился.

- Хорошо, но хотя бы месяц передышки ты мне дать должен, - сказал Луйк поспешно. – Не забудь, что я не использовал отпуск за три года.

Через месяц, подумал он, Андреас забудет о моем существовании.

- Месяц это слишком, - проворчал шеф-приятель после недолгого размышления. - Три дня. Хватит с тебя.

- Две недели, - выпалил Луйк, зная, что торг это признак слабости, но не находя в себе сил для более упорного сопротивления.

- Три дня, и ни часом больше.

- Неделя. Послушай, Андреас, у индейцев племени навахо был такой обычай: когда мужчине исполнялось 45 лет, весной он уходил на неделю в лес и в одиночестве думал о жизни. Это еще называли соловьиным отпуском, по-навахски чиа-син-омоти-раоя. Как ты прекрасно знаешь, я как раз дожил до этого судьбоносного возраста.

Юхан, если б в этом кресле сидел он, сразу спросил бы, не шутит ли Луйк, но Андреаса отличало болезненное самолюбие, не позволявшее ему признаться, что в мире существует нечто, ему неизвестное, пусть даже это ритуалы индейцев навахо.

- Где ты это слышал?

- Тийт Ребане говорил, он большой специалист по индейцам, - не моргнув глазом, соврал Луйк.

Теперь его судьба зависела от того, поверит ему Андреас или нет. К счастью, начальнику было лень ломать голову над столь пустяковой проблемой.

- Ладно, неделя. Авто и мобильный можешь оставить у себя, - добавил он с притворным великодушием, и Луйку пришлось быстро решать, соглашаться ли на маккиавеллистическое,

² 1-го февраля 1924-го года, по инициативе Кремля, в Эстонии была произведена попытка государственного переворота.

вполне в стиле самого Мартина, предложение шефа-приятеля. Бойтесь данайцев – при помощи мобильного тебя могут в любую секунду отозвать из отпуска; но, с другой стороны, сохранение авто позволит на время отодвинуть большие расходы. И кто знает, возможно, через неделю в гараже департамента появится партия новехоньких рабов, и ему удастся выкупить Портвейн «Три семерки» по дешевке.

- Это очень благородно с твоей стороны, - сказал он лицемерно.

Глава вторая

МИГРАЦИЯ

Вторая половина 70-х

– Уважаемые пассажиры! Наш поезд прибывает в столицу Эстонской Советской Социалистической Республики Таллинн...

Сергеев недоверчиво таращился на непривычно узкие улицы и низенькие дома.

«Да как я здесь помешусь? – думал он. – Ничего не остается, как втянуть голову в плечи. А куда деть мою широкую русскую душу?»

Но выбора не было; когда одна действительность становится невыносимой, ее приходится менять на другую. Конечно, чтобы сбежать от советской власти, нужно отправиться подальше, но для такого необратимого решения он еще не созрел. Эмигрировать – значило сжечь мосты между собой и родиной, а сейчас он мог в любой момент сесть на поезд и вернуться в колыбель революции. И все начнется по новой: ссоры с отцом, причитания мамы, вопросы пьяных дружков: «Ты меня уважаешь?», истерики любовниц и излишний интерес КГБ к политическим взглядам ученого и поэта Павла Сергеева.

Поезд пару раз лязгнул, прополз еще несколько метров и заскрипел тормозами. Сергеев простился с соседями по купе, взял свое земное имущество – пишущую машинку и спортивную сумку – и вышел в тамбур. Проводник открыл тяжелую дверь, и в лицо ударил свежий таллинский ветер. «Решающий шаг», – подумал он – зазор между вагоном и перроном казался ему символической пропастью между старой и новой жизнью; и хотя Сергеев не страдал излишней сентиментальностью, душа его дрогнула.

Он сделал этот шаг и сразу увидел овальное, но с нетипичными для женщин волевыми чертами лицо Тийи, ощутил веселый взгляд прищуренных карих глаз, не выпуская из рук багаж, неуклюже прижал к себе ее большое, мягкое, теплое тело и услышал радостный горловой смех.

– Ты меня задушишь.

Нет, он не ошибся. Тийа действительно излучала нечто такое, что на родине встречалось крайне редко – позитив и прямо-таки мужской ум. Борщ варить русские женщины умели, в постели толк знали, но рассудительностью не отличались. Между прочим, иногда глаза увлажнялись и у эстонских женщин, но сейчас Сергееву это даже нравилось. И он нежно поцеловал Тийу в губы.

В описании сексуального акта литература двадцатого века добилась таких выдающихся результатов, что автор признает свою полную несостоятельность придумать что-то оригинальное, отметим лишь, что, когда Сергеев разложил диван-кровать, Тийа застелила его новехонькой, купленной специально к приезду любовника цветастой простыней.

Через несколько десятков минут Сергеев потянулся к лежавшим на стуле джинсам и достал помятую пачку «Опала».

– Ах, так, я должен еще и деньги зарабатывать! – сообщил он с театральным возмущением, возвращаясь к начатому в троллейбусе разговору.

Тийа тихо засмеялась и погладила волосатую грудь Сергеева.

- Дай мне тоже закурить.

– Перед тобой открывается широкий выбор, – сказала она, выпустив струйку дыма, – к тебе как квалифицированному специалисту проявляют интерес целых четыре лаборатории. В рабочую группу по общественному мнению я тебя не пущу, потому что там одни женщины, а в остальном – полная свобода. Можешь изучать промышленное планирование, проксемику или физкультуру.

– Первое отпадает сразу.

– Почему?

– Промышленность планировать невозможно.

Тийа опять рассмеялась, только теперь еще громче, чем раньше, грудным тембром. Ей нравилась ироничность Сергеева, которой очень серьезные, будто вчера сменили плуг на пишущую машинку эстонские мужчины похвастаться не могли – даже Юрген Кулламаа. Отношения с Юргеном оборвались: слух о том, что во время новогоднего праздника на башне бывшего графского замка развевался запретный флаг, все равно распространился. Кулламаа как организатор мероприятия получил выговор с занесением в учетную карточку, и его страх перед тем, что жена узнает о любовнице и пожалуется в партбюро, достиг таких масштабов, что он начал называть Тийу на «вы» и не приближался к ней на расстояние менее метра.

– Сильвер, правда, утверждает обратное. Он говорит, что единственно ценное при социализме – это как раз плановая экономика.

– Кто такой Сильвер?

– Наш математик, Сильвер Луйк.

– Это брат *костей Сталина*?

На Тийу напал неудержимый приступ смеха. *Костями Сталина* Сергеев окрестил Мартина Луйка после того, как тот однажды до смерти напугал в Питере его мать. Луйк приехал из Таллина поздно вечером, пошел ночевать к Сергееву, и, когда мама после звонка в дверь спросила, кто там, он загогольным голосом ответил: «Гость из Таллина». С учетом эстонского произношения это прозвучало почти, как *кости Сталина*.

– Точно.

– Тогда я не удивляюсь тому, что Луйк сбежал на Запад – от сумасшедших родственников. – Сергеев придал своему лицу презрительное выражение, снова протянул руку за диван, открыл спортивную сумку, порылся в ней и вытащил тщательно завернутую в газету тоненькую книжицу. – Читай. Ее написал один эмигрант, бывший академик, попросивший за рубежом политического убежища. Он научно доказал, что даже самое лучшее плановое хозяйство всегда безнадежно отстает от потребностей населения.

С любопытством листая книжечку, Тийа оперлась на локоть, и соскользнувшая цветастая простыня обнажила внушавший почтение бюст. Сергеев потушил в пепельнице окурок.

– И что представляют собой две остальные лаборатории?

– Проксемики изучают оптимальное планирование типовых квартир. Как шутит руководитель их группы Сёрен Халлик, они исследуют, какого размера должна быть кухня, чтобы самогонный аппарат отца семейства не мешал матери готовиться к экзамену в вечернем университете марксизма-ленинизма.

– Бесплодное занятие. Конечный результат все равно будет один: стиль *баракко*.

– *Баракко*?

– А ты можешь предложить лучшее название тому, что нас окружает? – сказал Сергеев, кивнув на панельные дома за окном.

Тийа бросила на любовника удивленный взгляд: так метко одним-единственным словом высмеять всю современную архитектуру!..

– Остается еще спорт, – кротко сказала она.

– Полагаю, что выберу именно его. В конце концов, рядом с тобой лежит все-таки бывший мастер спорта СССР по современному пятиборью. Этого звания можно лишиться только вместе с гражданством.

– Ты мне о своем славном спортивном прошлом не рассказывал.

– Оно того не стоит. На отборочных соревнованиях в олимпийскую сборную я повредил ахиллово сухожилие, на чем все и закончилось, – скромничая, ответил Сергеев.

Он уже собрался поцеловать соблазнительные полные губы, нежный темный пушок над которыми выдавал уральское происхождение эстонцев, как вдруг из-за перегородки послышался энергичный стук пишущей машинки.

Тийа принужденно рассмеялась.

– Соседка по квартире проснулась, – заметила она.

Они приняли душ, оделись и пошли в кухню, куда вскоре пришла и Мерлин Тезеяр в темно-лиловом облегающем джемпере и лилово-зеленой полосатой вязаной юбке.

– На работе вместе, дома вместе – вы еще друг другу не надоели? – спросил Сергеев, в знак приветствия по-отечески поцеловав в лоб благоухающую духами Мерлин.

– У нас здесь некоторые еще горбятятся на советскую науку, но те, кто поумнее, предпочитают обходиться без нее, – интригуяще сказала Мерлин.

– Каким образом? – спросил Сергеев и поспешил предложить огоньку отыскавшей сигаретную пачку соседке.

Пикантная возможность жить в одной квартире с двумя девушками ему даже нравилась.

– Мерлин ушла с работы, – пояснила Тийа.

Затем Мерлин сама выступила с уточняющим комментарием.

– Я пришла к выводу, что всю жизнь заниматься чем-то столь бессмысленным – это насилие над собой. Эти инфантильные исследования, как организовать автобусное сообщение или повысить безопасность труда – спасибо, я в таких играх не участвую. Ни единого снаряда для вражеских пушек!

– В общем, ты, конечно, права, – признал Сергеев. – В Советском Союзе социология может существовать только под надзором Центрального Комитета партии. А зачем ты университет заканчивала?

– Дура была. – Мерлин кокетливо рассмеялась.

Они выпили кофе, поговорили о пустяках, а затем Мерлин спросила:

– Метс, ты Павлу уже рассказала?

– Не успела.

Сергеев с любопытством отметил, что подруги повели себя, как Мата Хари: их лица обрели таинственность, движения – плавную отточенность, а взгляд – внимательность и настороженность.

Мерлин сходила в комнату и вернулась с тоненькой папочкой, а Тийа принесла ВЭФ, включила его и приглушенно заговорила.

– Мы составили обзор под заголовком «Об ограничении свободы мысли в Эстонии». Здесь много разнообразного материала. Один рассказывает, как у нас издеваются над учеными, заставляя их соблюдать смехотворные идеологические требования. В другом мы собрали данные об уволенных с работы и исключенных из университета по идеологическим причинам...

«Началось», – угрюмо подумал Сергеев. В подпольной борьбе было нечто фатальное, без чего невозможно представить историю России: народники и эсеры, меньшевики и большевики. И, конечно, национальные меньшинства. Грузинские социал-демократы и латышские стрелки. Одному осетину удалось попасть даже в Кремль. И что примечательно: все начиналось с таких вот маленьких бумажек, а заканчивалось хаосом и кровопролитием.

– Тут есть стенограмма политического судебного процесса, – продолжала Тийа. – Мы с Мерлин ходили слушать и потом дома записывали все, что смогли запомнить.

Они возбуждены и не отдают себе отчета в том, что все их серьезные усилия – не более чем детская игра, думал Сергеев. В самом деле, что две девчонки могут противопоставить атомной державе с мощными репрессивными органами? Тоже мне, Вера Засулич и Софья Перовская! Но говорить им это, конечно, не стоит – обидятся, начнут презирать, считать трусом. Откуда им знать, что именно чрезмерный интерес КГБ к личности Сергеева был одной из главных причин, по которой он стянул со своих ног величественную пыль Петербурга?

– И что вы думаете делать с этой папкой? – спросил он, когда Тийа замолчала.

– Именно это мы хотели спросить у тебя. Хорошо бы ее на Запад передать. Но как?

– Может, через Сахарова? – предложила Мерлин.

Будто у Сахарова нет дел посерьезнее!

– Надо подумать, – с важностью сказал Сергеев, взял папку и полистал ее.

– Здесь же все на местном диалекте. Хотя бы переведите на русский язык, чтобы Сахаров мог понять. Грамматические ошибки я исправлю.

Он удовлетворенно отметил, что во взорах молодых революционерок появилось нечто вроде уважения и даже восторга – в глазах Мерлин в большей степени...

Для гуманитарных институтов был возведен целый научный городок: четыре двухэтажных панельных здания.

– Они спроектированы так, что на плане образуют аббревиатуру «NLKP»³, – раскрыла Тийа тайну замысла архитекторов.

Он вошли в Н и двинулись по обрамленному полированными дверями коридору. «Лаборатория научного коммунизма», «Лаборатория диалектического материализма», «Лаборатория политической экономии социализма»...

– Как ты понимаешь, мы сейчас находимся в корпусе общественных наук, – взяла Тийа на себя функции гида.

В туннеле между L и K Сергеев чуть не расшиб лоб о низкий потолок.

– Осторожно! – испуганно воскликнула Тийа. – Здесь предполагалось построить детский сад.

Второй корпус захватили историки, третий – филологи.

– Далеко еще? – спросил Сергеев, имитируя нетерпение.

– Спокойно, Паулюс, сейчас будем на месте.

Социологам был отведен последний корпус в виде буквы Р с изящной дугой.

– Этот коридор плохо действует на вестибулярный аппарат, – пробурчал Сергеев.

Они вошли в кабинет с табличкой «Лаборатория научного исследования физкультуры и спорта», и навстречу им из-за стола поднялся костлявый сутулый мужчина выше среднего роста лет тридцати пяти.

«Кого он мне напоминает? – подумал Сергеев. – А-а-а... понял: лошадь, рабочую лошадь. Хотя голова у него скорее птичья – маленькая и на длинной шее. И где там только мозги помещаются?»

– Мадис Ламберт... Павел Сергеев, – представила их Тийа.

По-крестьянски сильное рукопожатие вынудило Сергеева напрячь мускулы.

«Так здороваются серьезные, честные и высокоморальные граждане», – подумал он, но, невзирая на это, только по звучанию, окрестил нового знакомого Ламбертом-Гумбертом.

– Решили помочь нам продвигать науку? – спросил Ламберт приветливо.

– Если сумею быть чем-то полезным... – ответил Сергеев со сдержанной вежливостью.

– Сейчас посмотрим, – продолжил Ламберт и попросил всех сесть. – Один большой завод заказал у нас исследование по вопросам развития физкультуры. Они хотят знать, что делать,

³ NLKP – КПСС (эст.)

чтобы люди больше занимались утренней физзарядкой, ходили на лыжах и играли в мяч, и меньше пили водки.

– Вряд ли это вообще возможно, – заметил Сергеев.

Взгляд Ламберта-Гумберта окрасился озабоченностью.

– Да, и все-таки мы должны попытаться им помочь. Нужно провести опрос среди работников завода, выяснить, какие виды спорта им нравятся и насколько они удовлетворены возможностями для тренировок.

– Это можно, – великодушно пообещал Сергеев.

– У завода свой спортзал и бассейн. Мы должны изучить, сколько человек их реально посещает.

– Зачем?

– Чтобы сравнить объективные данные с субъективными оценками.

Сергеев заколебался: здесь пахло бессмысленной работой, единственная цель которой – произвести впечатление на заказчика. Но как человек, умеющий приспосабливаться, возражать новому начальнику он не стал.

– Вопросы есть? – произнес Ламберт-Гумберт.

– Есть, – ответил Сергеев. – Можно ли составлять анкету и писать отчет дома?

Теперь настал черед Ламберта-Гумберта сомневаться.

– Вообще-то на нас тоже распространяется требование восьмичасового рабочего дня, но если учесть нехватку помещений...

В этот момент дверь распахнулась, в комнату вошел плотный парень в тренировочном костюме с баскетбольным мячом под мышкой и принес с собой не только оживление, но и сильный запах пота.

– Познакомьтесь, Павел, это наш аспирант Неэме Пярн. Он пишет диссертацию о роли физкультуры и спорта в досуге молодежи, – пояснил Ламберт-Гумберт.

Сергеев встал и корректно поклонился, уклоняясь от несомненно влажного рукопожатия.

– Уже три года авторучку грызу, а дальше первого предложения так и не продвинулся, – посетовал Неэме, пристраивая мяч в углу помещения между бумажными свитками, на которых, как отметил Сергеев глазом опытного социолога, наверняка были напечатаны корреляции статистических данных.

– Вы – не единственный, у одного из героев Камю была та же проблема. – Сергеев уловил подходящий момент, чтобы продемонстрировать свой кругозор.

– А он тоже старался ради повышения зарплаты и уважения супруги? – поинтересовался Неэме Пярн.

– Нет, он стремился к бессмертию.

Тийе пришлось приложить усилия, чтобы не прыснуть.

– Видишь, Неэме, какого образованного коллегу мы, по всей вероятности, приобретем. – Даже серьезный Ламберт не смог сдержать ухмылки.

– Почему это «по всей вероятности»? Павел, плюньте на маленькую зарплату – зато здесь великолепные возможности заниматься спортом. Спортзал института полностью в нашем распоряжении. В здоровом теле – здоровый дух! – похвастался Неэме.

– Я пока не знаю, достигнем ли мы с Павлом согласия относительно режима работы, – продолжил Ламберт.

– Да, режим у нас строгий, – сообщил Неэме. – Надо обязательно выходить на майскую и ноябрьскую демонстрации, коммунистический субботник и приходить за зарплатой.

– Это меня полностью устраивает, – молниеносно отреагировал Сергеев.

– Ладно, главное, чтобы работа не страдала, – решил Ламберт-Гумберт. Он достал из ящика письменного стола лист бумаги и положил перед Сергеевым. – Пишите заявление.

– На русском можно? – спросил Сергеев, одалживая у Тийи шариковую ручку.

– Конечно, можно, – ответил Ламберт.

– У нас ведь государство интернациональное, – добавил Неэме Пярн.

Он еще некоторое время потоптался на месте, глядя, как Сергеев медленно выводит буквы («Я привык все тексты на машинке печатать», – сокрушался тот), затем открыл портфель из свиной кожи, достал полотенце, мыльницу, мочалку и вышел, не забыв проинформировать присутствующих, что идет принимать душ.

– Главное, чтобы не требовали ходить в контору, – рассуждал Сергеев, когда они вышли из кабинета. – В Питере в рабочее время мы в основном играли в шахматы и разгадывали кроссворды...

– Сексом тоже занимались? – поинтересовалась Тийа, повисая на локте Сергеева.

– Всякое бывало, – скромно признался Сергеев. – Смотри, – вдруг оживился он, – наше общество – это же общество совершенно нового типа! Если при капитализме человек напрягается в поте лица, чтобы побольше заработать, то при социализме, когда разница в зарплатах минимальна, борьба идет за то, чтобы тратить на работу как можно меньше времени и сил. Если смотреть под таким углом, то новой должностью я могу быть доволен во всех отношениях.

Тийа расхохоталась и добавила, что иногда на работу ходят в иных целях, например, чтобы встретиться с интересными собеседниками. В подтверждение своих слов она отвела Сергеева в лабораторию проксемики и познакомила с двумя молодыми коллегами – Тоомасом Китсе и Сёренем Халликом.

– Тоомас у нас живет своим умом, – пояснила Тийа. – Он считает, что книги читать не стоит, потому что это губит способность наблюдать и рассуждать.

– И сколько велосипедов удастся изобрести в месяц? – спросил Сергеев вежливо.

– Зачем изобретать то, что уже изобретено, лучше выдумать что-нибудь такое, чего еще нет, – постарался оправдать данную ему оценку и сохранить философское спокойствие тощий, с клочком рыжей бородки Тоомас.

– Сёрен – зоолог, – продолжила Тийа. – Не совсем, конечно, а образно говоря. Он считает, что человек – тоже животное, и его поведение подчиняется закономерностям животного мира.

– Моя диссертация начинается с предложения «Слабые особи вымирают», – жизнерадостно сообщил полный, с бальзаковской фигурой Сёрен.

– А исторический обзор уже готов? Я имею в виду, вы до Иисуса Христа уже добрались? – поинтересовался Сергеев.

– По тактическим соображениям Христа пришлось из текста изъять. Чего мне очень жаль, потому что лучшего примера для моей теории не найти.

– Он умер, но ведь его учение живо.

– Дышит на ладан, хотели вы сказать.

– Это как посмотреть. Даже в коммунистическом мировоззрении можно найти христианские мотивы.

– Несмотря на официальный атеизм?

– Обычное противоречие между формой и содержанием.

С этим доводом согласились все. Сёрен Халлик отыскал в углу шкафа бутылку коньяка, на дне которой, как писалось в десятках советских романов, плескалось немного благословенной жидкости, и все подняли рюмки за знакомство.

– В вычислительный центр тоже пойдем? – спросила Тийа, когда они наконец вышли от проксемитов. – Или ты устал?

– Нет, от чего?

Сергеев так искренне удивился, что Тийа даже пришла в замешательство.

– Во-первых, в автобусе мы ехали, стоя, а теперь еще наш институт с его многочисленными кадрами.

Сергеев благодарно погладил Тийу по голове.

– Многочисленными? Здесь царят тишина и покой – как в Лапландии. В Петербурге я целый час только до работы добирался... – И, немного подумав, закончил почти афоризмом:
– У вас мало людей, но много знакомых.

В вычислительном центре он обзавелся еще одним – рядом с громадиной, являющей собой высшее достижение советской компьютерной техники, за небольшим столиком сидел, уткнувшись в бумаги, невысокий худенький человечек в сильных очках; заметив входящих, он вскочил, и Тийе пришлось еще раз прибегнуть к ритуалу представления:

– Павел Сергеев. Сильвер Луйк.

– Сергеев? Это у вас мой младший брат провел последние дни перед тем, как за его спиной опустился железный занавес?

– Мне даже выпала честь быть на его международной свадьбе посаженным отцом.

– Вот как! Родственников он на нее не пригласил.

– Как я понимаю, он пытался избежать возможного интереса к ним со стороны КГБ. Что вообще о нем слышно? Последнюю открытку я получил от него год назад, тогда он еще был в Хельсинки, но собирался перебраться в Париж.

– Могу вас заверить, что вы лучше знакомы с обстоятельствами жизни Мартина, чем его семья. Нам он не написал ни строчки. Наверное, по-прежнему озабочен тем, как бы не доставить нам неприятности. Если разрешите, я передам маме то, что вы рассказали.

– Будьте добры.

Затем Тийа перевела разговор на плановую экономику.

– Да, я действительно полагаю, что если в социализме и есть что-то ценное, то это плановая экономика, – заверил Сильвер.

– В реальности это почему-то отражения не находит, – скептически заметил Сергеев.

– Вычислительные машины плохие, громоздкие и медленные. Когда наконец будет создан действительно мощный компьютер, социализм сможет дать лучшие результаты, чем капитализм. Он разумнее.

– Кто? Компьютер?

– Нет, социализм.

Сергеев с трудом подавил улыбку.

– Это звучит почти как призыв на Первомайской демонстрации.

– Не спорю, – произнес Сильвер, обаятельно улыбаясь.

– Потрясающее семейство, – прокомментировал Сергеев, выходя из вычислительного центра. – Поэт-авантюрист и математик-романтик.

– А кто же ты? Поэт-прагматик? – ехидно спросила Тийа.

– Я? Я – недоразумение, – меланхолично ответил Сергеев.

Глава третья

ДОМ СТАРЕЮЩЕГО СЛУЖИТЕЛЯ БОГЕМЫ

Середина 90-х

Свобода! Парадоксальным образом Луйк был куда свободнее тогда, когда его родина стенала под игом врага. В те годы он спал столько, сколько хотел, а не до звонка будильника, и свои будни проводил в занятиях, приятных для души и тела, например, пил вино и соблазнял девушек. Если б ему кто-нибудь сказал, что настанет время, когда он будет добросовестно ходить на работу по пять, шесть, а иногда и семь дней в неделю, он бы только рассмеялся, а если б еще ознакомился с перечнем будущих служебных обязанностей, к примеру, с тем, что

он будет проверять, не пытаются ли чиновники некоего важного государственного учреждения противозаконно обогащаться, выдавая на основе фальшивых справок документы, удостоверяющие личность, смех превратился бы в гомерический, ибо за советский паспорт никто не дал бы и копейки.

Наконец-то этот ужас позади – не советский паспорт, а служба. Остановив Храброго портняжку перед очередным светофором, Луйк вдохнул солидную порцию бензиновых паров, обогащенных морским воздухом, и добродушно оглядел раскинувшуюся вокруг столицу свободной Эстонии, Таллин, который он долгие годы иронически называл губернским городом Ревелем. «Раскинувшуюся» не то слово – вытянувшуюся вдоль берега, словно загорающая женщина или, точнее, топ-модель с маленькой головой и длинными-длинными ногами. И, кстати, смешанной крови. Какие только народы не упражняли здесь в течение веков свой архитектурный дар – тевтоны и шведы, датчане и великороссы. Одних лишь коренных жителей никак не хотели подпускать к этому виду искусства: найти хоть какой-то приличный дом, авторство которого принадлежало аборигенам, было почти невозможно. Роль покоренного племени ограничивалась тем, что оно возило по указанию хозяев доломит из каменоломен, мостило узкие улочки брусчаткой, а позднее убирало с этой самой мостовой конский навоз. Туземцы выражали свой протест, демонстративно используя в качестве строительного материала только лес, так, например, им удалось воздвигнуть в самом центре города, вокруг германского сити, множество деревянных хибар, и они до сих пор испытывали законную гордость, показывая туристам дома с квартирами, типичными удобствами которых были заполняющая полкомнаты железная печь и изящно вынесенный на лестничную площадку коммунальный клозет без ватера. Даже советская власть не осмелилась снести эти архитектурные шедевры, оправданно боясь гнева коренных жителей, претендующих на статус европейцев, и свои эксперименты в духе Ле Корбюзье проводила в основном на окраинах, где они не бросались в глаза. Все же и поблизости от центра обнаруживались места, где можно было одновременно лицезреть тевтонский, русский и местный стили. Когда Луйк оказывался посреди подобной эклектики, он обычно вздыхал и произносил про себя: жалкая провинция. Как ни странно, намного более приемлемые результаты дало прямое генетическое скрещивание, так, всякий раз, проезжая мимо театрального здания в духе арт-нуво, которое когда-то для немецких дворян проектировали русские архитекторы (и где сейчас перед эстонской публикой играли эстонские актеры) Луйк был вынужден признать, что, несмотря на подозрительную родословную, эта вычурное сооружение ему нравится.

Он свернул в узкий переулок и притормозил перед еще одним симпатичным зданием, создателем которого был его собственный отец. Лет двадцать назад по романтическим, надо думать, соображениям папа Харальд пустил в ход все свои знакомства и добыл ордер на квартиру в единственном доме, который успел спроектировать до начала войны, еще во время первой республики (все остальное свое творчество отец характеризовал одним жестом – пренебрежительным взмахом руки). Классическое немецкое решение, основательные кирпичные стены, строгие функционалистические линии, и, в качестве единственного декоративного элемента, барельеф, изображавший старичка с длинными волосами и густой бородой (не Маркса), перебиравшего – точь-в-точь как Тийт Ребане – пальцами струны каннеля: сценка из эстонского псевдоэпоса «Калевипоэг». Бедный папа, если б он знал, что в один прекрасный день парламент уже второй республики примет закон, по которому здание будет возвращено прежнему владельцу, может, он не стал бы тратить столько сил, чтобы в него вселиться! Ибо папа эгоистом не был, и только его неинформированностью объяснялось то, что он прописал сына в квартиру, из которой его теперь грозили выкинуть...

Луйк помрачнел – настроение, которое с ним разделяли еще десятки тысяч пострадавших от реституции соотечественников, и, чтобы хоть как-то отомстить миру, нахально припарковал Портвейн «Три семерки» прямо на тротуаре. Выбравшись из машины, он подхватил

с заднего сидения «Дуб» и поспешил к парадной двери, с которой почти полностью слезла краска. Мопассан, говорят, любил проводить время в кафе на Эйфелевой башне не потому, что ему там нравилось, а постольку, поскольку, как утверждал писатель, оно оказалось единственным местом в Париже, откуда не был виден железный монстр. Вот и Луйк, войдя в стены дома с барельефом, обычно забывал о заботах, с теми же стенами связанных.

Постель в передней комнате была, конечно, не убрана, как обычно, впрочем, да и можно ли было вообще называть это постелью, так, временное лежище, нечто вроде кучи соломы на почтовой станции царского времени: плед мейд ин Чили (индейцы, наверно, пользовались такими в качестве ослиных попон), приобретенный в момент ностальгии по первой и чуть ли не единственной любви, сеньорите Долорес, ничего о судьбе которой так и не удалось узнать, под пледом одна-единственная и, честно говоря, не самая чистая простыня, а под простыней хоть и кожаный, но все-таки только диван. Вот когда я в один прекрасный день женюсь, подумал Луйк, тогда и буду каждую ночь спать в кровати. Этот предмет мебели в его квартире имелся в наличии и ныне, но находился в задней комнате, передвижение по которой осложняли многочисленные стопки книг на полу, и пробираться между ними Луйк не ленился только тогда, когда его навещала Оттилия. Они брались за руки и ступали чрезвычайно осторожно, потому что при малейшем случайном прикосновении к какому-либо тому поднимались облака пыли, вызывавшие судорожный кашель и чихание. Иногда Оттилии надоедало сморкаться, и она принималась раздражать чувствительный слуховой аппарат Луйка старым портативным пылесосом, однако коэффициент полезного действия последнего был невелик, и вообще хозяин предпочитал держать любовницу в стороне от действий, скорее приличествующих служанке. «Неужели у тебя дома царит такая чистота, что ты от скуки ищешь новое поле деятельности?» - выговаривал он саркастически, но нежно. Кстати, в душе он отдавал себе отчет, что заботится больше о собственной независимости, нежели об удобствах Оттилии: а вдруг неверная жена банкира Сальвея обвыкнется и предпочтет остаться здесь.

Итак, дамы и господа, с чего же мы начнем дивную новую жизнь, подумал Луйк, поставив «Дуб» кроной к стене и удачно замаскировав тем самым разошедшиеся у плинтуса края обоев, и поскольку ничего более эффектного сразу придумать не смог, вынес решение в пользу небольшой дозы никотина. Как долго он вынужден был жить даже без неповторимого удовольствия, которое человеку доставляет самоуничтожение! Разве наспех выкуренные сигареты, выкинутые на ходу из машины или раздавленные в пепельнице комнаты для совещаний, были достойны процесса, именуемого курением? Нет, чтобы полностью отдаваться во власть отравляющего вещества тоже нужно душевное спокойствие. Вот сейчас мы сядем и расслабимся, решил Луйк и именно так себя повел: кресло - тоже кожаное, скрипнуло, но храбро выдержало его вес, это развалится еще не скоро, старое доброе кресло времен первой республики, в купе с диваном самая приятная часть унаследованного от папы Харальда имущества.

Далее следовало высоко задрать локоть, чтобы вытащить из кармана пиджака пачку сигарет, но Луйку это неуклюжее и неэстетичное, напоминавшее почесывание движение не нравилось, да и к тому же что за удовольствие от дешевого табака? Поэтому он вытянул руку наверх по диагонали и выудил с полки затаившуюся между фарфоровой вазочкой с изображением Эйфелевой башни и наверно уже три недели ожидавшим отбытия на кухню бокалом из-под вина жестяную коробочку для сигарилло, которой он когда-то, вернувшись с Запада, долгое время красовался перед приятелями - в Советском Союзе столь изысканное курево можно было найти только в «Березке». Правда, прежнее содержание (читай содержимое) коробки давно уже в прямом смысле слова развеялось по ветру, но форму Луйк сохранил, и когда в Таллине появились сигарилло из Голландии, он стал в дни зарплаты позволять себе немного пороскошествовать, перекладывая, естественно, купленный товар в старый, хоть и немного заржавевший, но тем более благородный футляр.

В коробке оставалось лишь два сигарилло, но в отличие от предыдущих дней сегодня истощение запасов Луйка не волновало, сосняк был переконвертирован в деньги, и он мог отныне и достаточно долго закупать эквивалентный товар почти в неограниченных количествах. Вне всякого сомнения он относился к числу неисправимых транжир – но зато не был скрягой, что решительно отличало его от большинства эстонцев. Если он не вернул Юхану взятую заимообразно в трудные дни сумму немедленно, то лишь потому что не знал номера его счета, и если каждый средний гражданин на его месте счел бы подобную нехватку информации благоприятным основанием для того, чтобы отодвинуть неприятный момент подальше, то Луйк собирался в ближайшее время поехать в Тарту самолично и торжественно вернуть долг, взамен банковского процента присовокупив к синим купюрам бутылку виски. Кстати, жестами своими он вовсе не упивался, ибо действовал не для того, чтобы возвыситься в собственных глазах, а просто делал то, что ему подсказывала натура.

Вставив кончик сигарилло в его новое и последнее прибежище, а именно, между двумя все еще белыми рядами зубов, Луйк снова потянулся к полке, чтобы взять зажигалку, но не нашел ее на обычном месте. Он забеспокоился, все-таки подарок Бродского, дорогой памятный предмет, ментальная ценность которого за минувшие годы неожиданно и даже дважды заметно выросла, первый раз, когда знаменитый знакомый получил Нобелевскую премию, а во второй, совсем недавно, по той печальной причине, которая всех однажды, соответственно вероисповеданию, или сблизит, или разлучит («все души милых на далеких звездах...»). Когда он убрал руку с полки, обнаружилось, что кончики пальцев в пыли, и Луйк, который терпеть не мог пачкаться, занервничал еще больше, однако все-таки не настолько, чтобы вскочить и кинуться искать литературно-исторический сувенир по всей квартире. Исчезнуть с концами зажигалка никак не могла, поскольку с собой он ее никогда не брал, следовательно, должна была лежать на какой-то другой полке – ну и пусть себе лежит, отдыхает, в нашей лесной республике найдется достаточно средств, пусть и попроще, добыть огонь.

Таким образом, Луйк в итоге все-таки изменил намерения, неуклюже задрал локоть и вынул из кармана коробку спичек. Несколько секунд спустя его обонятельные рецепторы приятно вздрогнули, реагируя на первые ароматические потоки дыма, по правде говоря, Луйку не хотелось отказываться от вредной привычки больше ради запаха, нежели из потребности в никотине. Он откинулся назад, погрузил спину – наконец-то! – в мягкую кожаную спинку, рассеянно осмотрелся и задержал взгляд на «Пьющих абсент»⁴. Их лица, как всегда, выражали безмолвное отчаяние, и Луйк поблагодарил Таару за то, что Леде не удалось превратить его в подобную человеческую развалину. Вопреки распространенному представлению жена ведь подсознательно только радуется тому, что супруг равнодушен к водке, поскольку гнетущее любого алкоголика априорное чувство вины позволяет управлять им столь же легко, сколь велосипедом. Действительно, можно ли найти мужа примернее, нежели добродушный выпивоха, послушно выполняющий все распоряжения жены? Во имя столь благородной цели – формирования подобного спутника жизни, можно даже немного потрудиться, в частности, подать ему утром в постель стаканчик пива – разве человек, страдающий от похмелья, способен бороться с искушением? «Человек не является пьяницей до тех пор, пока не похмелится», сказал как-то папа Харальд, когда Луйк в весьма помятом виде пришел к нему попросить рубль, и только благодаря этому предупреждению, а также уважению к старшим и, следовательно, более опытным людям ему и удалось вырваться из ловушки, расставленной Ледой.

Конечный результат антиалкогольного самовнушения оказался неожиданным: Луйк почувствовал жажду. Ну почему я не остановился на соседней улице у магазина, упрекнул он себя, ради такого события, как уход со службы, уж бутылку пива можно было бы себе позволить

⁴ «Дуб», «Пьющие абсент» и почти все остальные картины в этом романе – произведения эстонского графика Эдуарда Вийральта (1898-1954).

(только пива, поскольку ничего покрепче Луйк один не пил, опять-таки согласно завету папы Харальда, который по некому другому поводу высказался так: «Человек должен пить только в хорошей компании и с обильной закуской»). Пиво?.. подумал он тут же, с той особой паникой, которая поражает человека, в очередной раз диагностирующего у себя склероз... но разве я не купил вчера, по дороге из Нарвы, бутылку пива? Куда же я ее дел? Неужели оставил в машине? В этом случае пришлось бы еще раз проделать надоевший путь вниз по лестнице и обратно, рискуя к тому же встретить соседа Потта, который обычно разделялся с дневными хлопотами примерно к этому часу и начинал скучать по собутыльнику – однако причислить его к хорошей компании в понимании папы Харальда было никак нельзя. Но вдруг я все-таки принес бутылку наверх и куда-то сунул, подумал Луйк с надеждой, стал уже мысленно прикидывать, куда именно, и тут зазвонил телефон.

Неужели Андреас? – ужаснулся он. И сейчас выяснится, что после долгого перерыва пойман некий илlegalный иммигрант, который смело оперирует якобы совершенно законным эстонским паспортом. Однако он тут же догадался, что буйствует настольный телефон, номер которого начальник наверняка давно забыл. Оттилия? Но любовница паролa архаичного аппарата никогда и не знала. Тогда кто же? – стал гадать Луйк, неохотно вставая и пробираясь мимо стола туда, где рядом с диваном на полу стояло маленькое черное эбонитное чудовище. Неужто Эё? При воспоминании о дочери нежное сердце Луйка подозрительно екнуло, но даже сейчас, находясь в двухстах километрах от нее, Луйк единственно ради тренировки строго подавил сентиментальный трепет – как и должен делать человек, на котором лежит ответственность за подрастающее поколение. Кстати, совершенно бессмысленное донкихотство, ибо в современном демократическом обществе ни один отец не может воспитывать детей даже тогда, когда он живет с ними под одной крышей, ведь при малейшем давлении ребенок может просто подать на родителя в суд по поводу нарушения своих детских прав.

- Алло, - сказал Луйк неопределенно, еще не решив, каким тембром пользоваться, мелодичным или сухим официальным, это зависело от того, кто звонит.

- Луйк?

Внешность людей с годами меняется, но голос почему-то остается тем же. Одноклассник Ивар Юмисея, сценарист и подлец, враг номер один. «Луйк – агент КГБ, как бы его иначе выпустили из страны?» Подобного рода слухи эта скотина распространяла о нем, о члене организации «Молодой эстонец», и он не мог даже опровергнуть подлый навет, ибо настоящая причина поездки на Запад должна была оставаться тайной. И теперь, через столько лет, этот негодяй звонит ему домой, как будто ничего не случилось. Какая наглость! Чего он хочет? Попросить прощенья? Ну уж нет!

Две силы боролись внутри Луйка: любопытство и чувство чести. Победило последнее.

- Алло, - повторил он мягко, - алло, я вас не слышу.

- Луйк? Алло, Луйк, это я, Юмисея!

- Алло, я вас не слышу!.. Нажмите на кнопку.

Добавив это устаревшую и одновременно садистическую рекомендацию (подумай сам, Юмисея, на какую кнопку нажать!), Луйк положил трубку, вытащил из розетки вилку, чтобы избежать дальнейших поползновений нарушить его покой, и наверняка потратил бы следующие десять минут на бесполезные попытки угадать, чего Юмисея от него хотел, если б не заметил на паркете как раз рядом под тем местом, где поблескивала окруженная грязными обоями телефонная розетка, тихо и достойно ожидающую своего часа темную бутылку пива. Конечно же, он поставил ее туда, чтобы выпить перед сном, но с ним случилось то, что происходило всякий раз, когда столь любимый ослами мягкий и пушистый плед мейд ин Чили, укутывал его утомленную плоть: мир реальных напитков немедленно переставал для него существовать, сменившись ласками гурий или кошмарами, напоминавшими голливудские фильмы.

Да здравствует святой черт и его трапеза, подумал Луйк приподнято. Если как следует обшарить холодильник, возможно, удастся даже найти закуску. Он поднял бутылку и с сомнением огляделся. Конечно, ужинать было бы удобней за нормальным большим и высоким обеденным столом, но именно такой предмет мебели в хозяйстве Луйка отсутствовал – папа Харальд, уходя по-английски от маман Линды, взял с собой только обстановку кабинета, что кстати, было совершенно излишним джентльменством, ибо покинутая супруга все равно ела на кухне. За маленьким круглым столиком, рядом с которым Луйк только что наслаждался сигарилло, папа играл в преферанс с приятелями, в прежние времена, разумеется, но и теперь это изящное произведение столярного искусства, как после давних особенно азартных партий, было покрыто толстым слоем любимого вещественного доказательства частых детективов, а именно, пеплом. На самом деле, отходам курения следовало сосредоточиться в маленькой деревянной тарелке черного цвета, которую держала меж своих бедер вскинувшая в экстазе руки над головой керамическая негритянка (кич, но мил сердцу, все же подарок Эё), однако тарелка была давно полна окурков, которые вываливались через край, подобно вермишели в тех случаях, когда Луйк, героически игнорируя половые признаки, варил суп из пакета. Пиво за таким серо-серебрившимся столом еще как-то можно было выпить, но утолить голод – об этом не могло быть и речи, в вопросах гигиены Луйк был строг, отличая поэтический беспорядок от элементарной грязи. С печалью он подумал о минувших веках, когда уборка не входила в число забот господина, ибо у того имелись слуги, которые подметали, чистили, выбивали ковры, полировали обувь и гладили. Сам Луйк застал лишь жалкие остатки подобного жизнеустройства в лице домработницы советского времени, наем которой маман выставила в качестве предварительного условия брака – дочь деревенского аптекаря была изрядной госпожой и долго колебалась перед тем, как согласиться принять предложение хромого профессора архитектуры, видя в этом для себя откровенный мезальянс. Когда домработница спустя небольшое число лет неожиданно умерла, это было страшным ударом не только для маман, которой приходилось стоять у плиты, пока папа искал замену, но и для Луйка, еще долго не выносившего запаха оладий – ничего другого маман готовить не умела.

Теперь, когда советская власть удалась по дороге, по которой, как говорится, суждено пройти всякому смертному, каждый снова получил право эксплуатировать ближнего, но по иронии судьбы за минувшие годы в мире произошли большие изменения, рабочая сила становилась все дороже, и даже весьма богатые холостяки сами жарили себе бифштексы. Наверняка для цивилизации это был тупиковый путь, поскольку бывшие слуги не умели употребить завоеванную свободу на что-либо дельное, они только торговали и транжирили, торговали и транжирили, как запрограммированные, а в минуты отдыха отнюдь не читали «Критику чистого разума», а смотрели мыльную оперу. Луйк сам бы с удовольствием ознакомился с классическим произведением философа из Кенигсберга, однако эта книга до сих пор, увы, не была переведена на эстонский язык. Да и не переведут ее, подумал он, по крайней мере, до тех пор, пока *бунт масс* не будет подавлен, и демократию снова не сменит немного модернизированный феодализм. В том, что история однажды вернется в нормальное русло, Луйк не сомневался, ибо по сравнению с нынешней вакханалией идиотов прошлое, в котором каждый знал свое место, конюх убирал за лошадьми, садовник поливал розовые кусты, а профессор сидел на веранде и думал, казалось совершенным. У общественной формации, построенной на иерархии, было только одно слабое место: чтобы наслаждаться ее преимуществами, следовало сначала родиться профессором или, по крайней мере, профессорским сыном. Луйк попытался представить, что с ним случилось бы, если бы он появился на свет, например, в семье кучера, но фантазия ему служить отказалась. Он чувствовал, что имеет больше общего с конем, нежели с кучером. Даже страх перед КГБ не мог бы его заставить принести тряпку и вытереть пыль с этого элегантного полированного столика, за которым папа Харальд с приятелями любил смаковать армянский коньяк, объявлять вист и мизер и ругать женщин. Но поужинать каким-то

образом все-таки следовало, желудок уже недовольно урчал, и Луйк разрешил дилемму наименее простым образом: переставил негритянку вместе с окурками на полку, вдохнул в легкие побольше воздуха и, словно бог ветра, более или менее сдул пепел со стола. Затем открыл нижний ящик буфета, извлек оттуда последнюю чистую скатерть и накрыл ею темную поверхность, на которой все еще просматривались серые полосы и пятна. Неизбежное варварство, самым очевидным последствием которого был резкий рост расходов на прачечную – в том, что касалось скатертей, он Леде не доверял.

Кухня, куда Луйк затем отправился, вызвала в нем вспышку полного отчаяния. Шпенглер, увидев ее, переписал бы свое произведение с начала до конца – вот где по-настоящему закатывалась Европа! Он стал даже жалеть, что не встретил на лестнице Потта, пусть даже руки соседа дрожали, и его нельзя было подпускать к раковине, где уже неопределенно долго скапливались последние сохранившиеся элементы кузнецовского сервиза, он, по крайней мере, мог вынести набитый доверху мешок с мусором и добыть себе деньги на пиво, выменяв на них армаду пустых бутылок, которая воинственно задребезжала, когда Луйк движением двери опрокинул, словно «Эстонию», их флагман. Цивилизация гибнет, когда эсквайр уже не в силах содержать кухню в чистоте, подумал Луйк. Но что делать? Брак, как показала практика, только удвоил бы количество грязной посуды... Подавив силой воли охватившее его уныние, Луйк опустил на корточки, дернул рукоятку холодильника новых времен с силой к себе и мгновенно спустя от восторга чуть не запел с руладами и переливами на тирольский лад: за ополовиненной бутылкой кетчупа, перепачканной жиром пачкой маргарина, банкой горчицы и миской дурно пахнувшей кислой капусты лежало нечто, о существовании чего он совсем забыл. Кусочек рокфора, почти такой же маленький, как его шанс попасть в антологию эстонской поэзии – однако достаточный, чтобы смастерить два или даже три бутерброда. Луйк попытался вспомнить, какому неожиданному наитию он обязан этой гениальной покупкой, но сложные будни госслужащего не пожелали раскрыть свою тайну. Наверняка это случилось перед командировкой в Нарву, а поскольку туда его отправили сразу после того, как он вернулся с хутора, то рокфору должно было быть дней, по меньшей мере, десять. Ну и что? Не мог же он заплесневеть!

Радостно вернувшись с добычей в комнату, Луйк подошел к буфету и открыл верхнюю закругленную стеклянную дверцу. Все можно было понять – и то, что папа Харальд коллекционировал антикварные книги и картины, и что мебель, обыкновенную и кожаную, да даже приборы для бритья и керосиновые лампы, но то, что он собирал посуду, представлялось не постижимым. В подобном увлечении было нечто до мозга костей женское, скорее, фарфор и хрусталь должна была закупать мама Линда, громкогласно требуя у мужа денег на свои причуды, но маман только молола языком в кафе и била дома посуду, ту самую, на добывание которой ее муж тратил столько времени и денег. Да, разрушительная деятельность всегда проще созидательной, и Луйк был убежден, что глупую поговорку насчет счастья, которое якобы приносит битье тарелок, придумали истеричные женщины, дабы оправдать свои свинства. Пап стискивал зубы, извлекал из ящика стола баночку с клеем или, если крушение было полным и окончательным, брался за щетку и совок, но, не считаясь с понесенными потерями, продолжал в том же духе, забивая полки и ящики буфета все новыми тарелками для супа и жаркого, рюмками и бокалами, и, конечно, столовым серебром. Особенно коллекционирование набрало ход после того, как папа сбежал от супружницы – причина бегства объяснений не требовала. Наконец посуды стало столько, что в квартиру она уже не вмещалась, и после отцовской смерти Луйк перевез часть сервизов на хутор дедушки Юлиуса, где теперь некогда бездомный приятель Тылласепп ел овсяную кашу на баварском фарфоре.

Соорудив на столе натюрморт с пивом и рокфором, Луйк впился зубами в бутерброд (на кухне для полного счастья нашелся даже кусок хлеба) и снова подумал о отце, которого однажды, возвращаясь из школы, видел на скамейке в парке недалеко от дома, разложив на коленях кусок бумаги, тот торопливо что-то ел. Стесняясь, что отец вот так, как бродяга, пере-

кусывает на улице, Луйк обогнул его скамейку, стараясь держаться поотдаль, о чем он сегодня глубоко сожалел. Ибо он превосходно знал, знал уже тогда, что именно выгнало папу Харальда на улицу, он ведь не однажды слышал голос мамар Линды, орущей, как заправский тюремный надзиратель: «Если ты никак не можешь обойтись без своей вонючей плесени, иди в туалет и ешь ее там, на стол я эту гадость поставить не позволю!» И сейчас ему было стыдно вдвойне, ибо он вынужден был себе признаться, что ребенком и сам морщился при виде рокфора – вкус у человека развивается еще медленнее, чем сексуальная функция. Жалко же было ему папу уже тогда, так что когда тот наконец ушел из дому (сам Луйк в то время учился в Питере), он расценил отцовский поступок, как вполне адекватный Удивление или, скорее, восхищение у него вызвал лишь способ, каким отец матери сделал, по выражению русских, ручкой: хоть он и взял с собой на новую квартиру только обстановку кабинета, но зато всю, до последней кнопки. «Даже гвозди вытащил из стены, чтобы они мне не достались!» - кричала маман Линда истерично, когда Луйк, получив от нее телеграмму, прибыл домой, покинув жаркие объятия сеньориты Долорес. Таким образом мать хотела восстановить его против родителя, но результат обманул ее надежды, Луйк, правда, лицемерно вздыхал и утешал маман, но в душе злорадствовал, так тебе, мамочка, и надо, разве ты мало измывалась над отцом.

Пиво подействовало отупляюще, и Луйк неожиданно зевнул. Он посмотрел на часы, теоретически лечь спать было еще рановато, но привыкнув жить, как эскимосский охотник на тюленей, который ест тогда, когда появится еда, и спит, когда закрываются глаза, Луйк не стал противиться велению своего естества. Вставая, он зацепился взглядом за «Верблюда» и, как всегда, удивился удивительному сходству животного со спикером. Его занимал только один вопрос: кто от кого произошел, спикер от верблюда или наоборот, иначе говоря, соответствует ли учение Дарвина истине и в отношении направления эволюции. Если да, и люди произошли от животных, в таком случае мир по своей сути был явлением регрессивным, а если нет, то прогрессивным, ибо в том, что животные лучше, умнее и красивее людей, сомневаться не стоило.

Так ли думал и тот восточный философ, за произведением которого Луйк протянул руку, когда плед мейд ин Чили накрыл его усталые члены, могло выясниться сегодня, а могло и остаться от него тайной еще надолго. Высокую полезность Конфуция было невозможно переоценить, полстраницы всегда хватало с лихвой, чтобы квартира папы Харальда заполнилась сладким храпом молодого хозяина.

Глава четвертая

ТИГР

Луйк проснулся с омерзительным чувством, что кто-то на него смотрит. Вечером он забыл задернуть гардины, и теперь проникающий в комнату свет окрашивал помещение в дагерротипные коричневые тона. Фильмы ужасов Луйк не любил (его жизнь и так сильно напоминала триллер), что спасало его от модных страхов *a la* ночью кто-то тайком проник в квартиру. Он поискал взглядом, откуда идет импульс, и заметил «Тигра». Тот лежал неподвижно и пристально смотрел, казалось, даже с каким-то странным презрением, на Луйка. У него возникло желание спрятаться, стать невидимым, и в попытке освободиться от гипноза хищника, Луйк повернул голову туда, где, расставив ноги и обольстительно закинув руки за голову, на дешевой кровати устроилась «Парижская шлюха»⁵. Но мясистые бедра и чернеющий бугорок Венеры, которые обычно вызывали желание позвонить Оттилии на работу, сегодня никакого возбуждения не породили.

⁵ Обе картины Эдуарда Вийралья.

«И чего он от меня хочет?» – подумал Луйк, бросив еще один беглый взгляд на тигра, чьи полосы в предрассветном сумраке сливались в одну волнообразную линию, а затем протянул руку за последней сигариллой. Разумеется, курить до завтрака и даже до чашки кофе было очень вредно, но ничего не поделаешь – нервы. «Неужели от одиночества, кризиса среднего возраста или что они еще там говорят? – подумал Луйк. – Если так, то мне ничего не остается, как вернуться в Удмуртию за женой».

И вдруг его как током ударило. Сильвер!

Конечно, во всем виновата должность – она выжала из него все соки и даже заставила забыть о брате! Сильвер уже почти полгода, как умер, а Луйк жил так, будто ничего не произошло; и даже случались дни, например, вчера, когда это событие, ужас которого усиливало то обстоятельство, что брат избрал для ухода из этого мира такой противоестественный способ, как самоубийство, ни разу не вспомнилось. Если бы он был таким же свободным, как в дни оккупации, он бы, бесспорно, часто думал о Сильвере, может, даже чаще, чем при его жизни. Да, определенно чаще, потому что когда ты знаешь, что с твоими близкими все в порядке, то уделяешь им гораздо меньше внимания; примерно то же происходит с поэтами, о которых говорят, что их подлинное значение мы осознаем только после смерти, когда тело перестает мешать и остается чистый дух в виде творчества. (Луйк и сам возлагал на это психологическое убеждение определенные надежды.) Смерть как бы фиксировала сущность человека, оценивала его и ставила на памяти о нем метку, которая впоследствии уже редко менялась.

Так должно было произойти и с Сильвером, но если что и тревожило Луйка, даже раздражало, то именно невозможность понять брата. Подумать только, он даже не знал, почему Сильвер принял решение в пользу скорого, но ужасного конца. И это был далеко не единственный непонятный мазок на портрете, который в свое время казался Луйку таким ясным-ясным, гораздо яснее, чем его собственная смутная судьба. Пока он искал приключений на нескольких континентах, менял жен и любовниц, Сильвер годами мотался взад и вперед по одному и тому же маршруту – из дома на работу и с работы домой. Единственным исключением был бридж в конце недели – он и этой привычке сохранял верность. Казалось, его ничто не интересует, кроме математики, семьи и большого шлема, за исключением, может быть, детективных романов и фантастики. Луйк считал это ограниченностью, но сохранял корректную возрастную субординацию и не пытался поучать брата, только иногда подкалывал его, на что Сильвер в ответ иронизировал по поводу его патриотических мыслей и нездорового образа жизни. Но Луйк при всей своей богомности умудрялся сочетать идеалы и реальность, в отличие от Сильвера, чье необоснованное безразличие к материальной стороне жизни было поразительным для математика. В начале реституции Луйк почти умолял брата хотя бы написать заявление на компенсацию за хутор дедушки Юлиуса – от земли Сильвер отказался категорически. Конечно, Луйку было бы выгоднее, если бы Сильвер махнул рукой и на деньги, но он и так чувствовал себя виноватым перед братом из-за завещания папы Харальда. Потому что, когда бедный папа за несколько лет до перестройки, как говорят эстонцы, *сложил уши под голову*, оказалось, что все свое земное имущество, включая кожаный диван, на котором Луйк сейчас корил себя за то, что стал забывать о брате, он завещал младшему сыну. От этой новости совсем еще юную грудь Луйка тогда наполнили одновременно гордость и страх; он боялся, что Сильвер обидится, но тот к решению отца отнесся с философским спокойствием.

– Я считаю, что наши роли давно распределены: ты – папенькин сын, а я – маменькин, – сказал он, шутя. И как тут не впасть в столбняк, когда такой стоический, моногамный, относящийся ко всему, кроме реконтры, с юмором человек в одну темную осеннюю ночь, – а какая ночь осенью не темная? – не в силах дожидаться наступления утра, добровольно уходит с приущей больше младшему брату гусарской лихостью в другую, вечную темноту!

Луйк с омерзением потушил сигариллу, которая натошак казалась горче обычного, о пустую тарелку из-под вчерашнего рокфора и встал, чтобы достать из шкафа подаренное его

второй женой Лийей Лонг Дринк шелковое кимоно. Одеванию, при виде которого на лицах молодых гостей женского пола всегда возникало выражение почтения, доставляющее наслаждение сродни любовной победе, было уже лет двадцать, его края обтрепались, прежний иссиня-черный окрас стал тускло-серым, но заменить его было нечем – Луйк подозревал, что такие облачения уже и в Японии не шьют. На прикосновение нежной ткани стареющее тело откликнулось приятной дрожью, и Луйк, защищаемый золотым драконом на спине, отважился зайти в самое ненавистное помещение – в ванную. Точнее, ненавистным оно было раньше, потому что после смерти Сильвера Луйк, преследуемый более страшными ассоциациями, не замечал уже ни свисающей с потолка штукатурки, ни обвалившейся кафельной плитки, ни ржавых и протекающих кранов. Подумать только, что в таком же, только отремонтированном помещении прошли последние секунды жизни его брата! Да, он не завидовал Юлле Луйк, которая утром, направляясь подкрасить веки, обнаружила мужа висющим в петле на бельевой веревке, перекинутой через трубу горячей воды. В обморок вдова – существо весьма хладнокровное, вероятно, не упала, но легкий шок все-таки испытала, тем более что на помощь позвать было некого – единственная дочь Тийна годом раньше начала самостоятельную жизнь. Между прочим, в этом вдова могла винить только себя, потому что, как помнил Луйк, Сильвер был против такого, раннего ухода из дома, боролся изо всех сил, и лишь непредвиденная инертность Юлле позволила решить проблему в пользу Тийны – может, маме не нравилось, что присутствие взрослой дочери подчеркивает ее собственный возраст.

Луйк зажал нос, но не из-за абстрактного грязного белья семьи брата, а своего конкретного – того, что кучей валялось в углу. Нет, действительно пришло время поехать в далекий поселок и обменять видимое и воняющее неприличие на чистые и глаженные простыни, тем более что проданный сосняк позволял с шиком вытащить из кармана бумажник и заплатить Леде алименты за три месяца. Просто для контроля он открыл кран горячей воды, но тот даже не зашипел – увы, принять душ можно будет не раньше, чем дом сменит собственника, а мечтать об этом лучше не надо: нынешний жил в Австралии и предоставлял зданию возможность потихоньку разрушаться, а новый начал бы реновацию и первым делом выставил бы жильцов. Понятно, что разумнее радоваться существующим удобствам, что Луйк и сделал; сначала ополоснул холодной водой лицо, затем – волосатую грудь и в заключение – поочередно обе ноги, стоя в не сочетающейся с его фамилией⁶ позе цапли.

Вытерев все части тела одним, не первой свежести и чистоты полотенцем, он вышел, напевая «*Serenady El Paso*», в кухню, зажег газ и поставил на огонь подаренную ему сестрой Юлле Луйк – Кюлики Везтильк – джеззу, предмет, который обычно ему напоминал давнего любовника этой дамы Павла Сергеева-Эстонского. Но сегодня старый приятель и нынешний враг не должен был угадывать, чьей хорошей памяти приписать возникшую вдруг необходимость чихнуть, потому что Луйка заботили другие, более важные проблемы. Что могло произойти за эти пять месяцев, которые отделяли рождение Марии-как-там-было-ее-второе-имя, одним словом, дочки-крохотульки Тийны Луйк от смерти Сильвера? Во время посещения роженицы, когда Луйк последний раз видел брата, он не производил впечатление потенциального самоубийцы, даже наоборот, улыбался счастливее, чем присуще людям его возраста. Правда, встреча была очень короткой. Луйк спешил на очередную ловлю псевдограждан, но четверть часа за скучным столом на кухне племянницы все же высидел и никакой тревоги на лице Сильвера не разглядел. (Да ему и в голову не приходило ее там искать.) Только однажды брат слегка рассердился, когда подаренную Луйком серебряную ложку жена отнесла к наследству папы Харальда, но ведь после двадцати лет брака небольшие трения неизбежны. Да и ролью дедушки Сильвер, похоже, был вполне доволен, что Луйку казалось даже странным – он

⁶ Luik – лебедь (эст.)

не представлял, что может однажды обрадоваться внуку, креслу-качалке и прочим признакам пенсионного возраста.

Луйк начал подсчитывать, сколько лет отделяют его от того страшного момента, когда его единственный законный ребенок Эё достигнет фертильного возраста, но появившиеся пузырьки заставили его сосредоточиться на кофе. Совершив все рутинные операции, он, переваливаясь, как утка («лебедю» и это оказалось под силу), с джезвой в руках проковылял обратно в комнату. Там он, как идиот, застыл, потому что вспомнил вопрос, который в первые месяцы после трагедии преследовал его повсюду – в гостиницах, на хуторе дедушки Юлиуса и даже при близости с Оттилией: могло ли что-нибудь изменить в ту роковую ночь его присутствие рядом с Сильвером, мог ли, например, брат в свой последний вечер ему позвонить? Это стало его судьбой – покидать родину именно тогда, когда здесь происходит нечто важное: путч или семейная трагедия. Какая злая сила загнала его в эту проклятую Удмуртию, откуда ему даже невесту привезти не удалось, потому что вся энергия ушла на пробуждение национального самосознания родственного народа? Ответ, разумеется, был прост: поехать туда его прислал Юхан, который не получил российской визы – но предельно честный шеф-дружок никак не мог быть связан со злой силой, а потому ничего не оставалось, как вновь обвинить во всем русских: почему они топчут права аборигенов?

Он открыл буфет, достал первую попавшуюся чашку Гарднера, перелил кофе из джезвы и немного подождал, пока язык признает температуру приемлемой, созерцая комнату отсутствующим взглядом, ничего не видя и не слыша. Только однажды его внимание привлек грохот и чертыхание, похоже, сосед Поттз опять свалился во сне со своего ложа – однако винить папу Харальда в таком акустическом эффекте не стоило, этими хлипкими перегородками Луйк был обязан советской власти, которая сочла, что квартира слишком велика и шикарна, и поделила ее да две, к счастью, неравномерные части. Потом сосед затих, и Луйк поднес чашку ко рту.

Когда на дне осталась темно-коричневая жижа, годящаяся только для гадания, к чему Луйк, увы, таланта не имел, он зажег вторую за день и показавшуюся менее противной сигарету и вызвал в памяти то жуткое утро, когда он, сойдя с поезда, увидел на перроне племянницу и ее хахалю и чутьем поэта сразу сообразил, что произошло нечто непоправимое.

– Здравствуй, дядя Мартин, у нас для тебя плохая новость. – Что случилось? – Твоего брата больше нет. – Как нет? – Он покончил с собой. – Почему?!

Вместо ответа потекли слезы.

Что касается последовавших за тем часов, то они больше всего напоминали театральный спектакль, только из привычного партера его вытолкнули на сцену и вынудили участвовать в мизансценах и подавать реплики, которые некто – постановщик? – придумал, а остальные актеры от него, Луйка, ждут и порой даже ему подсказывают. Его отвели на знакомую квартиру близ железной дороги, где пахло еловыми ветками и свечами и где его, пребывающего в святой скорби, приветствовала заgrimированная под смертельную бледность, с румянами, призванными обозначить пролитые слезы, вся в черном вдова (маман уже вернулась в Тарту). На книжной полке стояла многократно увеличенная фотография улыбающегося Сильвера – острые черты лица, большие, сильные очки, точь-в-точь Билл Гейтс, только морщины глубже – как у слона; все-таки тяжелое советское прошлое. У вдовы был отсутствующий вид и вялое рукопожатие, она демонстрировала апатичную готовность принять соболезнование Луйка (а ему кто посочувствует?). Извини, мы тебя не дождались, не знали, когда вернешься, ты не ответил на телеграмму. Конечно, мы рассматривали возможность некоторое время поддержать его в холодильнике морга, но твоя мать попросила не тянуть, она плохо себя чувствовала. Нет, не бойся, кремировать мы не стали, купили место на кладбище. В деревне, рядом с отцом? Извини, до этого мы не додумались. Да и кто будет там ухаживать за могилой? Ведь не ты – у тебя столько работы. Между прочим, венок от тебя стоит рядом с другими, на ленте написано, что от тебя. Нет, денег не надо – мы заплатили из сбережений Сильвера. Нет, ни в коем слу-

чае. Ты, конечно, хочешь съездить? Пожалуйста, Янно и Тийна тебя отвезут. Извини, мне это сейчас не по силам. Ах, почему он это сделал? Не бойся, *твоей вины в этом нет*. Нет, письма не оставил. Нет-нет, никаких сомнений, что он сделал это сам. Где это произошло? В ванной. Надеюсь, ты не хочешь осмотреть место.

Ему предложили чашку кофе, кусок засохшего поминального штрицеля и отвезли на кладбище к свежей могиле под цветами и венками. На одной траурной ленте он отупело прочел: «Любимому брату Сильверу. Мартин». И все. С тех пор он родственников не видел.

Луйк осмотрелся – с комнатой произошли большие изменения: коричневые тона сменились золотыми, все засверкало, как в православной церкви, не хватало только запаха ладана и бормотания читающего молитвы попа. Солнце залило город, первоначальное название которого подтверждало, что и тут что-то сгнило⁷. Луйк знал, что финно-угорским народам свойственен высокий процент суицидов, но он был в курсе и того, что толкают этот процент вверх одинокие алкоголики. Сильвер не был ни одиноким, ни алкоголиком. Разумеется, в каком-то смысле и он был одинок – как каждый нормальный мужчина, но это еще не причина, чтобы лезть в петлю.

С улицы доносились утренние голоса, стадо автомобилей направлялось в капиталистические джунгли в поисках пищи. Вдруг этот нудный гул пререзал резкий клещ вожака. «Полиция или «скорая помощь»? – подумал Луйк и решил, что вероятнее всего полиция (медицинская помощь в условиях независимости сильно деградировала). Дружок Варрак хотел взять его с собой в Африку на сафари, но упился до смерти (тоже одна из возможностей самоубийства), так что Луйк не смог точно определить, насколько этот клещ похож на трубный рев слона – виденные в детстве фильмы про Тарзана серьезным критерием служить не могли. Он посмотрел на стену и сквозь золотистую пыль снова увидел «Тигра» – взгляд хищника сохранял презрение, но теперь к нему добавился лучик надежды.

«Спокойно, мой друг, всему свое время», – подумал Луйк. В конце концов, он эти полгода не отдыхал, а восстанавливал государство – и по сравнению с его *свержением* это было во сто раз труднее. Теперь же он как свободный человек незамедлительно приступит к выяснению причин необъяснимого самоубийства – и не из литературного интереса, а из глубокого чувства братской верности.

«Не бойся, *твоей вины в этом нет*. А чья же есть?» – подумал он, направляясь в кухню греть воду для бритвы.

Глава пятая

СВАДЬБА

Вторая половина 70-х

Стайка девушек разных габаритов в разноцветных, но одинаково обвисших спортивных костюмах с хохотом высыпала из раздевалки в спортзал и принялась с хаотичностью, достойной броуновского движения, безуспешно штурмовать мячами баскетбольную корзину. Сергеев, вздохнув, закрыл «Clockwork Orange» и нашарил в кармане блокнот. Мужчины-спортсмены чтению новаторского (с точки зрения интерпретации человеческой психики) и интригующего (в смысле сексуальной откровенности) шедевра великой англо-американской литературы не мешали, но женщины, даже медленнее бегая и ниже прыгая, умудрялись наполнить помещение раздражающей нервозностью.

– Что ж, приступим, – сказал сам себе Сергеев и попытался сосчитать, сколько физкультурниц мельтешит перед глазами, и только его удивительная способность концентрироваться позволила определить точное число этих мечущихся по залу девиц. Удовлетворенно хмыкнув,

⁷ Первоначальное название Таллина – Таанилинн, т.е. «датский город».

он вписал в графу блокнота число «12» и добавил к нему букву «Ж». Итак, было установлено, что в спортзале приборостроительного завода, носящего имя большевика в кепке, в такое-то время в тысяча девятьсот семьдесят таком-то году находилась ровно дюжина спортсменов. Речь шла о примечательном научном факте, и Сергеев заранее наслаждался серьезным выражением лица Ламберта-Гумберта, когда он осмыслит эту цифру. Любопытно только, что он собирается ею измерять. Среднее количество пролитого пота в расчете на одного человека? Или скорость приближения всемирной пролетарской революции? Есть ли хоть один человек, который не знает, что эта революция никогда не состоится, потому что ни у одного нормального человека не может возникнуть желание променять пособие по безработице на пособие по работе, и достичь этого можно только, заменив холодную войну на горячую, на что у маразматического политбюро, тьфу-тьфу, похоже, отваги не хватает (парадоксально, но факт: особи, стоящие ближе всего к смерти, становятся самыми осторожными, хотя им, казалось бы, терять уже нечего).

Итак, ясно, что работа, на которую он тратит свое время, абсолютно бессмысленна, точнее говоря, это и не работа вовсе, а скорее ритуал, примерно такой же, как демонстрация, традиционно проводимая в ознаменование государственного переворота 1917 года, в институтской колонне которой он еще недавно шествовал ненастными нояблями, но, как и каждый ритуал, более обязательный и важный, чем сама работа. Такую цену он был вынужден платить за удовольствие дрыхнуть до полудня, выпивать чашечку кофе в обществе Мерлин (Тийа уходила в институт с рассветом), читать, смотреть в потолок, ездить на троллейбусе в центр города, гулять по средневековым улицам, исследовать шпили готических и псевдоготических сакральных зданий – одни напоминали шприцы, инструмент, который Сергеев с детства видел в руках матери-врача, другие, опрокинутые – воронку, а линии третьих были похожи на трехступенчатый ракетоноситель – или наслаждаться непонятным языком, звучащим, как прекрасное пение птиц; реплики соотечественников, врывающиеся в это щебетанье (русских здесь действительно развелось немало) казались на этом фоне чуть ли не святотатством.

Больше всего ему нравилась анонимность – никто его не знает, не беспокоит и не пытается регулировать его поведение. Наконец-то он освободился от тысяч нитей, которые в Питере связывали его по рукам и ногам. Здесь не приходилось бояться, что, дойдя до Невского, он сразу же услышит оклик какого-нибудь знакомого божьего балбеса и тот увлечет его в турне по пивным, которое продлится до темноты. Правда, не было и Невского, прямых и широких проспектов, не было Эрмитажа – однако новый антураж наполнял душу незнакомым доселе чувством и вдохновлял на стихотворчество, хотя и без надежд на публикацию, потому что государство оставалось тем же, а цензура и здесь не дремала.

Сергеев положил блокнот и шариковую ручку на скамейку и принялся наблюдать за разворачивающимся спектаклем. Девушки разделились на две команды и теперь, отчаянно лупя друг друга по ребрам и сбивая с ног, изо всех сил пытались не дать противнику забросить в корзину единственный оставшийся на площадке мяч. Была ли среди этих вроде бы нежного пола существ хоть одна, чья внешность манила бы заняться с нею другой физкультурой? Увы. Место этих девушек явно было не в спортзале, а в кресле косметического кабинета, как бы ни относилась к таким еретическим мыслям ум, честь и совесть нашей эпохи – Коммунистическая партия.

Тийа и Мерлин, по сравнению с этими пролетарками, были красавицами, не говоря уже об их умственных способностях. С Тийей как с мыслящим существом можно обсудить любую проблему, она – зеркало, позволяющее мужчине проверять ценность своих мыслей. Но и достоинства ее подруги тоже привлекали: миниатюрная, элегантная, с узкими розовыми губками и грушеобразным торсом, Мерлин наполняла их общую квартиру эротической аурой. В темно-лиловом джемпере, облегающем маленькие круглые груди, она соблазнительно передвигалась между кухней и своей комнатой, демонстрируя презрение к бюстгальтерам как к буржуазному

пережитку. В отсутствие Тийи они часто курили на кухне, Мерлин, положив ногу на ногу, кокетничала больше позволительного, шаловливо смеясь, и бросала вызывающие и даже бесстыдные взгляды. Сергеев безуспешно попытался представить себе Мерлин вопящей и бегающей по залу с мячом – нет, соседке приличествовали бы только грациозные движения с гимнастической лентой; но еще вероятнее, что Мерлин принесла бы сюда свою старенькую, напоминающую крохотного слоника пишущую машинку, сунула в рот сигарету и увлеченно принялась заполнять жирным черным шрифтом листики папиросной бумаги. Тексты, которые выползали из бивней слона, разоблачали государственную тиранию, и Тийа с Мерлин были уверены, что их будут читать во всем мире.

В последний момент Сергеев заметил, что мяч летит прямо на него; поймать его уже не получалось, только отбить: Сергеев резко выбросил руку вперед, и хорошая скорость реакции бывшего пятиборца сохранила нос в целости. Нет, это было уже не просто скучно, а опасно для жизни. Он посмотрел на часы: всего половина седьмого. Пройдет, наверное, целая вечность, прежде чем физкультурницы исчезнут под душем, но в сегодняшнем расписании значились еще две группы.

Тайком, как бы опасаясь, что Ламберт-Гумберт увидит это, Сергеев снова открыл блокнот, немного подумал и в предпоследнюю графу вписал число «10», а в последнюю – «6». Ну сколько может быть женщин, которые не боятся вечером, в темноте, ходить по городу! Удовлетворившись своими дедуктивными способностями, он сунул канцелярские принадлежности и «Clockwork Orange» в карман, встал и с достоинством вышел из спортзала – будто бы покурить.

С заложенными ушами Тийа вышла из самолета и тревожно огляделась: вдруг к ней немедленно подойдет безликий человек в штатском, предъявит служебное удостоверение, и попросит следовать за ним; откроется дверь черной «Волги», ее привезут в КГБ и обыщут; из объемистого ридикюля на канцелярский стол вывалится кипа запрещенной литературы, и начнется допрос: где вы это получили, кто вам дал и т.д.? Она, конечно, будет все отрицать, скажет, что видит книги впервые, что сумка лежала на багажной полке в самолете, мало ли что могли туда запихнуть, пока она спала; ей предъявят фото того момента, когда она выходит из московской квартиры одного известного диссидента – помощника академика Сахарова, и спросят, кто это – супруга персидского шаха?

Но, похоже, никто Тийей не интересовался, и она немного успокоилась. Может, напрасно поддалась панике, может, этот подозрительный тип, который начал приставать к ней в Москве, вовсе не шпик, а обычный ловелас? А она, как дура, сдала билет на поезд и помчалась в аэропорт, чтобы побыстрее оказаться дома и укрыться под крылом Паулюса.

На стоянке такси топтались всего несколько человек, но машин было мало, да и те останавливались поодаль, гася зеленые огоньки. Как назло, пошел дождь – будто сильного ветра было недостаточно, чтобы вызвать озноб. Пропустив два автобуса, Тийа наконец покинула очередь и втиснулась в третий, где какие-то неудовлетворенные парни при первой же возможности попытались ее облапать.

Домой она попала только в полночь. Сергеев вероятно еще не спит, лежит и читает – вдумчиво и внимательно, а не так, как Тийа, – торопясь и через пень-колоду; чтобы не нарушать его сосредоточенность, Тийа отыскала в сумке связку ключей. «Паулюс!» – хотела она окликнуть, как только вошла в темную прихожую, но вместо этого почему-то прислушалась. Что-то было не так, как обычно. Она не сразу сообразила, что именно, но потом поняла: из комнаты Мерлин не доносился стук пишущей машинки, там играл магнитофон – ее, Тийи, магнитофон. Тийа и запись сразу узнала – они с Паулюсом использовали ее, чтобы заглушить не предназначенные для ушей подруги звуки. Тийу охватило плохое предчувствие – так угрюмость овладевает человеком, который начинает подозревать, что неизлечимо болен.

«Глупости! – с надеждой подумала она, нажав выключатель. – Просто Ребане приехал с острова в гости к Мерлин, и они одолжили у Паулюса магнитофон». Но когда свет залил пустую комнату, где, по идее, на диване должен был лежать Сергеев, сердце Тийи дрогнуло, а прямо-таки соколиный взгляд, брошенный на вешалку подтвердил, что вместо штурмовки Тийта Ребане символично висят рядом темно-синяя нейлоновая куртка Паулюса и красное пончо Мерлин.

И будто специально, чтобы лишить Тийу последней надежды, музыка в соседней комнате прервалась, и она услышала голоса, знакомые голоса, которые обсуждали вовсе не политическую ситуацию в мире. Можно было, конечно, открыть дверь и посмотреть, какую позу парочка предпочитает. Тийа живо представила себе испуганные лица Мерлин и Сергеева, поспешно натягивающих простыню на обнаженные тела – точно, как в кино. Но что бы от этого разоблачения выиграла она, Тийа? Мужчинам не нравится, когда их унижают, а она не относилась к числу женщин, которым демонстрация морального превосходства доставляет наслаждение – ей достаточно обычного оргазма. Хорошо, она покроет позором развратную связь, и что дальше? Значит ли это, что в ее отношениях с Паулюсом воцарится прежнее безмятежное счастье?

Но хотела ли она, чтобы оно снова воцарилось? Но этот, вопрос вопросов, не решить в передней, да еще под такое звуковое сопровождение. Даже она, спокойная и уравновешенная, не могла терпеть это бесконечно и хоть сейчас не испытывала душераздирающей ревности, это не означало, что через пять минут она не разревется. Магнитофон снова запел о страсти, она погасила свет, тихо выскользнула на лестницу и пересчитала сэкономленные в командировке деньги. Правда, их было немного (в Москве она купила Паулюсу свитер и сорочку), но достаточно, чтобы на такси уехать в деревню к родителям.

Дождь перестал, и Тийе повезло – на стоянке возле дома было несколько такси. В теплой кабине она спокойно обдумала сложившуюся ситуацию. Мерлин, конечно, поступила, как предательница, но подруги тем и отличаются от друзей, что всегда готовы отбить поклонника. Мужскую психологию Тийа знала хуже, но опыт подсказывал ей, что эти существа никогда не упустят возможность совокупиться с любой более или менее привлекательной женщиной. Да и разве понравился бы ей мужчина, который преданно сидит у ее ног? Углубившись в суть проблемы, Тийа поняла, что, если бы Сергеев ни у кого, кроме нее, не вызывал влечения, это было бы даже унижительно.

Таким образом, все, что случилось, в каком-то смысле естественно и даже закономерно. Два свободных человека решили немного побаловаться. Злость, правда, вызывало то, что для удовлетворения своей любовной жажды они выбрали время, когда она, рискуя свободой, везла в сумке запрещенную литературу, но, с другой стороны, когда же еще? Вообще-то она сама во всем виновата – почему не позвонила из аэропорта и не сообщила, что приедет раньше? И так, нужно обуздать деструктивные инстинкты и отнестись к случившемуся как к неизбежности. Не хватало только преисполниться жалости к себе. Однако предстояло хорошенько обдумать и решить, связывать ли свою судьбу с Павлом Сергеевым. Если да, то надо забыть все, что произошло сегодня вечером, забыть полностью и окончательно, как досадную ошибку, как мастурбацию в детстве, и начинать создавать новую совместную жизнь со всеми вытекающими из этого формальностями типа Дворца счастья, шампанского и гостей на свадьбе. Если же нет... Тийа почувствовала, что от одной этой мысли все внутри начинает протестовать. Паулюс – именно такой мужчина, какие ей нравятся: умный, образованный, ироничный, может, не такой энергичный, как Юрген Кулламаа, но зато с развитой способностью к критике – девять из десяти идей Кулламаа он разнес одной меткой фразой.

«Значит, решено», – подумала она и сразу почувствовала облегчение – дальнейшее было, как принято говорить, *делом техники*. Ее охватило творческое возбуждение, и она лихорадочно принялась составлять план действий. Во-первых, надо обзавестись собственным жильем – поэтому нужно уже сегодня переговорить с родителями и попросить у них денег на первый

взнос за кооперативную квартиру. Она хорошо знала самую большую слабость Паулюса – тягу к комфорту. Ради собственного кабинета он наверняка откажется от любовницы – в том, что в качестве жены Паулюс предпочтет ее, а не истеричную Мерлин, она не сомневалась. Во-вторых, к сожалению, придется бросить диссидентство. Неприятие советской власти было главным, что объединяло ее с Мерлин, а если это отпадет, то и говорить будет не о чем. Как к этому отнесется Паулюс? Вероятно, даже обрадуется; ненавидя существующий строй не меньше их, Сергеев считал, что они ведут себя инфантильно. Да и Тийе вполне хватило сегодняшних страхов, чтобы впредь не мечтать о встречах с Сахаровым. Конечно, КГБ – омерзительная организация, но это убеждение лучше оставить при себе.

Еще надо решить одну деликатную психологическую проблему – незаметно подвести Сергеева к тому, чтобы ему захотелось официально оформить их отношения. Это было труднее всего, потому что они уже привыкли к свободному сожительству, кроме того, мужчины болезненно относятся к утрате независимости. Следовательно, нужно придумать какой-то ловкий ход. Фантазия Тийи разыгралась так, что она даже попросила у таксиста разрешения закурить. Лучше всего поехать вместе туда, где царит романтическая атмосфера, например, на Кавказ. Тийа недавно видела на доске объявлений в институте предложение путевок на горный курорт Домбай. Они, конечно, недешевые, но если снова поговорить с родителями (она все-таки – единственный ребенок), то и это станет возможным. Великолепный пейзаж, снежные вершины, лыжные трассы (ведь Паулюс – бывший спортсмен!), а если при этом еще напрячься самой – окончательно забыть Кулламаа и безраздельно отдаться мужчине, которого она хочет видеть своим мужем и отцом своих детей... Чем этот способ обзавестись букетом невесты хуже банальной беременности?

Составив план, Тийа успокоилась. Она знала, чего хочет, и знала также, что ее предприимчивости, конструктивного мышления и упорства хватит для достижения поставленной цели. Теперь надо только попасть домой раньше, чем родители лягут спать, поговорить с мамой, убедить ее, что на весах – счастье дочери, попросить не обращать внимания на национальность жениха (папа все равно примирится со всем, что решит мама), затем хорошенько отдохнуть, а утром сесть в поезд и выйти в Таллинне с таким видом, по которому Паулюс, который, несмотря на бурную ночь, все равно придет встречать ее на вокзал – в этом Тийа почему-то не сомневалась, не сможет вычитать ничего, кроме любви и тоски по нему.

Она уселась поудобнее, и вдруг ей вспомнилось, как в школьные годы она захотела узнать, что такое любовь, и пригласила в гости одноклассника. Тетя, у которой она жила, застала их, и Тийа по сей день хорошо помнила ее потрясение, испуг паренька и свою хладнокровную реакцию; кажется, она даже прыснула. Представив себе лица Мерлин и Паулюса в ситуации, если бы она, раздевшись в прихожей донага, внезапно вошла к ним в комнату, Тийа беззвучно – чтобы таксист не счел ее сумасшедшей – расхохоталась.

Разлив по бокалам еще одну бутылку шампанского, Сергеев счел, что этого достаточно, и, перекрывая шум, громко обратился к гостям:

– Прошу тишины!

К его призыву отнеслись с почтением.

– Мы с Тийей – современные люди, поэтому решили накрыть шведский стол. Каждый обслуживает себя сам, я, со своей стороны, советую всем свекольный салат. Что еще? Похоже, ничего. Можно пить за наше здоровье.

– А речь? – запротестовал Сёрен Халлик. – Что за свадьба без речей?

Сергеев меланхолично посмотрел на коллегу, который был на голову ниже его.

– Если ты испытываешь нехватку речей, то произноси их сам.

Сёрен принял торжественную позу.

– Дорогие молодожены! Когда человек вступает в брак, отпадает опасность, что он может стать деклассированным элементом. С чем я вас и поздравляю. Вы прошли первую стадию борьбы за существование и сделали шаг вверх в этой пирамидальной конструкции, которую называют обществом. Более слабые особи вымирают, и ни один холостяк или старая дева не достигают вершин карьеры. В определенном возрасте это понял даже Карл Маркс, сформулировавший банальную идею о семье, как о первоначальной ячейке сами знаете чего. Я дошел до этого совершенно самостоятельно уже в одиннадцатилетнем возрасте и сразу бы женился, но родители не разрешили. Моя невеста, между прочим, была туркменкой. Мы встретились на всесоюзном детском певческом празднике и полюбили друг друга с первого взгляда. Не знаю, как она, а я до сих пор не могу пережить эту потерю, даже начал уже калым собирать. Поэтому могу с полной ответственностью признаться: я завидую вам. Да здравствует любовь между народами!

Зазвенели бокалы, как колокола, раздались возгласы «горько!», и Сергеев, прежде чем поцеловать невесту, взглянул в повлажневшие и преданные глаза Тийи. Потом компания распалась: Тийа принялась описывать гостям яства шведского стола, а Сергеев, окинув рассеянным взглядом окружающее, попытался осмыслить, как он оказался здесь – в новой квартире в обществе почти незнакомых людей.

«Итак, я женат, – подумал он. – В конце концов, почему бы и нет – все-таки тридцатый год пошел. Но если бы в юности цыганка предсказала, что я женюсь на эстонке, я бы не поверил. И, тем не менее, это случилось: жена – эстонка, тесть и теща – эстонцы, родственники и друзья – тоже. Я один среди всех, как... как кто? Колли? Нет, колли – это собака. А, «коль»!⁸ – вспомнил он слово, которое выкрикнула крохотная дочурка двоюродной сестры Тийи – Диана, убегая от него, когда Сергеев хотел взять ее на руки.

Жаль, что ни один питерский друг не приехал его поздравить, но что поделаешь – он уже понял, что выпал из их системы координат. А родителей он не пригласил сам.

– Все эстонцы – фашисты, – рявкнул отец, узнав о предстоящей свадьбе. – Я знаю, о чем говорю – не раз их видел. Они наших убивали не только во время войны, но и после. Три моих лучших друга пали от пуль лесных братьев.

– Это было в Литве, – возразил Сергеев, зная географию работы отца.

– Все равно. Эстонцы – еще более отъявленные фашисты, чем литовцы.

– Счастья тебе, жених! – услышал Сергеев знакомый голос, вынырнул из пучины своих мыслей и узнал под черной вуалью розовые губы Мерлин Теэяэр, скривившиеся в иронической улыбке. Черная вуаль, черный комбинезон, черные туфли – даже макушку Мерлин прикрывала черная шелковая шапочка наподобие тибетейки. На ее щеке красовалась имитирующая родинку иссиня-черная точка.

– Спасибо. По кому твой траур?

– Не бойся, не по загубленной любви, – насмешливо ответила Мерлин и повернулась спиной.

Вопреки ожиданиям Сергеева, их отношения закончились не слишком спокойно. Как дипломированный психолог, он с самого начала понимал, что с этой невротичкой могут возникнуть осложнения, но практика оказалась гораздо хуже теории. Когда он, вернувшись с Домбая, объяснил Мерлин, как ему казалось, очень деликатно, что между ними все кончено (с русской он точно не стал бы так церемониться), тайная любовница устроила целую сцену – плакала, клялась, что не сможет жить без него, и даже валялась на полу. Сергеев с ужасом думал о том, что бы с ним стало, если бы он женился на этой истеричке!

Он посмотрел вокруг в надежде найти кого-нибудь, с кем можно заменить шампанское на нормальную водку, и в другом конце комнаты у окна заметил Ламберт-Гумберта и Неэме

⁸ Koll – пугало, бука (эст.)

Пярна. Коллеги, проявив находчивость, раздвинули гардины и поставили тарелки на подоконник.

– Ну, Паша, жену ты нашел, кров – тоже, чем удивишь нас в следующий раз, не автомобилем ли? – сердечно поинтересовался Ламберт-Гумберт, чокаясь с Сергеевым.

– При такой зарплате? Шутишь, что ли? Вот если бы институт послал меня за границу на годик-другой учить негров основам социологии, я бы точно вернулся с БМВ.

– Такую командировку я тебе пока предложить не могу, начнем с того, что поближе. Мои родители живут в деревне, они – люди пожилые, с работой уже не справляются. Не хочешь ли ты в конце недели съездить к ним на пару дней, напьем старикам дров на зиму, вечером затопим баню. С Неэме мы уже договорились.

В подтверждение сказанного Неэме Пярн кивнул головой – дать артикулированный ответ ему не позволял полный рот.

– Конечно, поедем, – с готовностью ответил Сергеев.

Более трудолюбивым он за время пребывания в Эстонии не стал, но, поскольку предлагаемая работа, в отличие от советской науки, имела характер осмысленный, коллегиальная солидарность легко одолела природную лень.

Он посмотрел на начальника с неожиданным интересом: оказывается, его родители тоже жили в деревне, как у Тийи и Мерлин. С первого взгляда аграрное прошлое эстонцев в глаза не бросалось, образно говоря, они умело прятали мозолистые руки в замшевые перчатки.

– Мадис, как получилось, что ты выбрал гуманитарный факультет? Разве твои родители не хотели, чтобы ты стал, например, агрономом?

Вторая рюмка водки развязала Ламберту-Гумберту язык.

– Паша, не забывай, когда я родился. Мои школьные годы пришлись на время создания колхозов. Как думаешь, кто тогда добровольно шел изучать сельское хозяйство?

– Мы только и смотрели, как бы в город удрать, – вмешался Неэме Пярн. Он хотел что-то добавить, но передумал и умолк.

– Понял, – сказал Сергеев. – Проклятые большевики! Я тоже знаю, что такое коллективизация: моя мама из деревни, трех ее дядей обозвали кулаками и с семьями выслали в Сибирь. Отец поедом ел мать за ее происхождение – он был убежден, что именно *анкета* помешала ему подняться по карьерной лестнице.

– Это произошло в тридцатые, так? – спросил Ламберт-Гумберт, и Сергеев подтвердил.

– У нас это было совсем иначе... – буркнул Неэме.

– В чем же? – удивился Сергеев.

Взгляд Неэме забегал по помещению.

– Видишь ли, ваши ссылки были социальным явлением, а наши – национальной трагедией.

– Это почему же? Разве у вас в Сибирь высылали всех, независимо от степени зажиточности?

– Различие в другом. Вы сами депортировали своих кулаков.

– Что значит «сами»? Лично я никого не депортировал. Это свинство устроили большевики, – живо возразил Сергеев.

– Ладно, Паша, никто и не утверждает, что именно ты это делал, – попытался сгладить расхождения Ламберт-Гумберт. – Теперь все равно уже все забыто. Смотри, Неэме, как хорошо сейчас в деревне живется – трактористы и комбайнеры зарабатывают в разы больше, чем мы, ученые.

– Что правда, то правда, – признал Неэме. – И им не надо ломать голову над диссертацией, – добавил он несчастным голосом и взял очередной бутерброд.

Раздраженный отсутствием гармонии, Сергеев посоветовал коллегам обязательно попробовать соленого сига, который привез перебравшийся на острова Тийт Ребане, пошел искать

новоиспеченную супругу и обнаружил ее в кухне, где она с кузинами обновляла содержимое мисок с салатом.

– Колль! Колль! – опять завопила при виде Сергеева маленькая Диана, путавшаяся в ногах у хозяек.

– Диана, это не колль, это дядя Паша, – со смехом объяснила Тийа.

– Нет, это не дядя Паша, это колль! – не соглашалась девочка.

– Диана, так нельзя говорить! – рассердилась ее мама, правда, не очень сильно.

Сергеев почувствовал, что его терпение вот-вот лопнет.

– Почему нельзя, пусть говорит. Может, я действительно бука и сейчас съем эту маленькую девочку. О, дяде Паше по вкусу такие крохотные Дианы!

И, чтобы девочка его поняла, Сергеев произнес слово «съем» и по-эстонски. Диана разревелась, ее мать, бросив на Сергеева ненавидящий взгляд, принялась успокаивать ее, а Тийа со смехом увела мужа из кухни. В прихожей она повисла у Сергеева на шее и подарила ему долгий и страстный поцелуй, держа, как эквилибрист, тарелку с салатом на вытянутой руке.

– Как я тебя люблю, – прошептала она, и Сергееву показалось, что он никогда не видел ее такой счастливой. Потом Сергеев отправился в кабинет покурить, а Тийа отнесла в комнату миску с салатом. Увидев угрюмо сидевших на диване родителей, она решила призвать их к порядку.

Она понимала, что мать и отец разочарованы, но одобрить их позицию не могла. Если бы дело было только в модном шведском столе, она бы еще прониклась пониманием: старшее поколение привыкло, что гости на свадьбе сидят рядком, дружно поднимают рюмки и наполняют желудки холодцом; но проблема была в другом – родителям не нравилась национальность жениха. Тийу это сердило. Сергеев всегда вел себя с тестем и тещей корректно и вежливо, не давая ни малейших оснований для недовольства собой, но толку от этого было мало. После долгих раздумий Тийа поняла, что Паулюс мог хоть на голове ходить, их отношения это бы не изменило. Для отца и матери мир делился на две большие группы: людей и русских. Людьми были эстонцы и народы, которые жили к северу и западу от Эстонии, русскими – те, чья родина была на востоке, в Советском Союзе, таким образом, в эту категорию попадали не только русские, но и, например, белорусы и узбеки. Все первые были хорошими, все вторые – плохими. И это была непоколебимая установка, как и все остальные представления, формирующиеся в юные годы. Молодость родителей пришлась на сталинскую эпоху, борьба с лесными братьями и депортации были для них не абстрактными событиями, а пережитой реальностью, они сделали свои выводы и изменить свое отношение не могли. При такой косности взглядов индивидуальные особенности полностью утрачивали свое значение – родители просто не воспринимали Сергеева как человека. Он был частицей явления, отношение к которому было *a priori* негативным, и, чтобы привлечь родню жены на свою сторону, он должен был совершить невозможное – изменить национальность.

Тийа с самого начала воевала с позицией отца и матери, не собираясь мириться с ней и в дальнейшем. К счастью, родители так любили свою единственную дочь, что были готовы даже примириться с ее капризом – желанием выйти замуж за русского. Любопытно, на что они в глубине души рассчитывали? Что интернациональная семья вскоре распадется? Вряд ли, они просто слушались ее, потому что она была умнее и образованнее их. Тийа вспомнила гипотезу Сергеева и усмехнулась; согласно ей, в Эстонии семьей руководит самая молодая взрослая женщина. Отцу и матери рассказывать об этом, конечно, не стоит, а вот укорить за угрюмость пора. И Тийа решительно направилась к дивану.

Свадьба продолжилась, если использовать жаргон молодых ученых, «работой в секциях». Любители потанцевать топтались в обнимку под томные звуки магнитофона, родственники удалились в кухню, уснувшую на руках у матери Диану перенесли в комнату, которая, согласно планам Тийи, через девять месяцев и так должна была перейти в распоряжение нового поко-

ления, а предпочитающие интеллектуальные развлечения коллеги собрались в кабинете Сергеева и устроились, кто на стуле, кто на диване, кто на полу – на ковре. Сильвер Луйк позвонил домой, узнал у нового мамино спутника жизни, что дочка уснула без капризов (дядя Вася умел находить общий язык с детьми), убедился, что у Юлле, и в отсутствие Хаима Лурье, партнеров для танцев достаточно, (приятель недавно перешел на телевидение и исчез из поля зрения коллег), и последовал за остальными. Он вошел в кабинет как раз в тот момент, когда все расхохотались, и с опаской подумал, не над ним ли, но, заметив самодовольно улыбающегося Тоомаса Китсе, тут же сообразил, что тот знакомит компанию со своей теорией занятости как универсальным, объясняющим человеческую деятельность понятием. Сильвер сел на край дивана рядом с Сёрен Халликом.

– Что тут смешного? – удивился Китсе, когда раскаты смеха смолкли. – Занятость – важнейшая проблема любого общества. Подавляющее большинство людей не знает, что делать со своей жизнью, и придумывает все новые виды деятельности. Зачем человек создал школу как институт? Чтобы давать образование детям? Чушь. Ни один ребенок в школе ничего не приобрел, кроме стадного инстинкта.

– Точно, – подтвердил Тийт Ребане, который с трудом окончил одиннадцать классов и был отчислен за неуспеваемость с первого курса университета.

– Или возьмем особенно актуальную сегодня тему, – продолжил Китсе. – Причиной брака тоже является не что иное, как занятость. В одиночку ни мужчина, ни женщина никогда не тратили бы столько времени на обустройство дома, а браком они оправдывают бессмысленную экстенсивную деятельность: обзаводятся квартирой, мебелью, машиной, дачей и т.д.

– Приобретение книг тоже относится к разряду бессмысленной деятельности? – поинтересовалась новая любовь Тийта Ребане Виолетта Вяли – милая, розовощекая, немного полная английская филологиня, еще не знакомая с презрением Тоомаса Китсе к письменному тексту.

Тот оживился.

– Приобретение – к разряду бессмысленных, а чтение – даже вредных. Книги действуют, как наркотики, человек перестает думать своим умом и лишь тупо потребляет порожденные другими идеи.

– Почему же тупо? Мне кажется, что чтение как раз стимулирует процесс мышления, – возразила Виолетта.

– Наркотики тоже оказывают стимулирующее действие, но, в конечном счете, человек без них уже не может. То же и с книгами: они становятся привычкой, с какого-то момента их начинают читать не для того, чтобы поумнеть, а чтобы убежать от действительности в воображаемый мир. Если бы не эта угроза, библиофилия была бы замечательной безобидной занятостью. Сначала надо приобрести книгу, затем – полку, на которую ее поставить, затем – комнату, где установить полку, и так далее. Пока люди доводят себя до смерти таким способом, не приходится бояться, что они могут представлять опасность для общества.

Установив, что у Китсе нет достойного оппонента, Сильвер решил вмешаться. После нескольких бокалов шампанского его одолевала жажда спора.

– Не пугай людей фантомами! – сказал он. – В армии тоже человек не представляет для общества опасности, но считать военную службу необходимой занятостью – это оскорбление святая святых. Я потерял три года лучшего возраста для учебы – мне, как всегда, не повезло, мы стали последними, кого призывали на такой срок, и это сказывается до сих пор. Ладно, мои способности как математика, может, и не представляли для человечества особой ценности, но ты только подумай, сколько настоящих талантов пропадает таким образом! Это тормозит мировое развитие! Дурацкая армия губит миллионы нормальных людей и формирует из них идиотов.

– И так будет до тех пор, пока не рухнет советская власть, – категорично заявила Мерлин Теэяэр.

– Ты рассматриваешь проблему слишком изолированно, – ответил Китсе. – Одна армия, конечно, бессмыслица, а две – это уже великолепная занятость, которая, ко всему прочему, тормозит излишний рост численности населения. Что касается государства, – сменил он тему, очень довольный тем, что Мерлин дала ему возможность предстать перед слушателями с новой, недавно пришедшей в голову мыслью, – то это, между прочим, тоже занятость, даже один из лучших видов занятости, потому что оно искусственно создает сферу деятельности для двух больших групп людей: революционеров и тайной полиции. Без диссидентов не было бы КГБ – а что делать с теми десятками тысяч людей, чье развитие застопорилось еще в детстве и они не представляют себе жизни без игры в сыщиков и воров?

– И твое собственное развитие застопорилось в детстве, в противном случае, как бы ты мог жить в государстве, где нет свободы слова? – ответила Мерлин и истерично засмеялась.

– Мне кажется, я говорю совершенно свободно, – отпарировал Китсе.

– Почтив своим вниманием КГБ, не будем забывать и родственные организации – ЦРУ, *Intelligence Service* и другие. Я убежден, что даже на островах Фиджи не обходятся без полиции безопасности, – развил тему Сёрен Халлик.

– Именно это я и утверждаю: занятость – явление универсальное. Неужели вы действительно полагаете, что первейшей задачей пришедшего к власти правительства становится забота о столе и платяном шкафе народа? Черта с два! С такой мелочью люди бы и сами справились. Правительство должно обеспечить всеобщую занятость, – пояснил Тоомас Китсе.

– Только не в саморегулируемом обществе, – внесла свой вклад в дискуссию Тийа, на минутку заглянувшая к коллегам. Несмотря на иронию Сергеева, она еще не отреклась от теории Юргена Кулламаа, считавшего саморегуляцию панацеей от всех бед.

– Абсолютно саморегулируемого общества не бывает. При капитализме так же беспокоятся по поводу занятости, как и при социализме.

– Я бы сравнил капитализм с поединком гладиаторов, – вмешался Сёрен Халлик. – Более слабые особи погибают.

– А я была бы рада, если бы меня пустили в капитализм, – мечтательно произнесла Виолетта. – Сидела бы на трибуне и махала платочком понравившемуся гладиатору.

И она бросила нежный взгляд на Тийта Ребане.

– Боюсь, при капитализме жизнь организована еще более идиотским способом. – Сильвер не был удовлетворен результатами обсуждения. – Точнее, идиотизм именно в том, что там ничего не организовано. Твоя саморегуляция, Тийа, ведет только к хаосу. Неужели действительно стоит оставлять свою одну-единственную жизнь на произвол случая? Я бы отдал предпочтение принципу разумности. Мне кажется, что рано или поздно победу одержит технократическое видение.

– Не будь наивным. Ничто не заменит солдату покоренный город, где он может три дня безнаказанно насиловать и грабить, – махнул рукой Сёрен.

– Что он сказал? – шепотом спросил Сергеев у Тийи и, когда она перевела, иронически хмыкнул:

– Без насилия человечество выродится, Бёрджес это доказал. Даже творческое начало основывается на агрессивности, не говоря уже о любви.

– Так, что, мы живем в лучшем из миров? – кокетливо спросила Виолетта, давая понять, что и она кое-что читала.

– Именно, – ухмыльнулся Сергеев. – Логика Панглосса ничем не хуже любой другой.

– Вот слушаю вас, слушаю и не понимаю, – вступил в разговор Тийт Ребане, чей новый костюм, купленный по настоянию Виолетты Вяли, заставлял его одновременно ощущать и дискомфорт, и гордость. Но склонить Тийта к галстуку ей все же не удалось, и его заменил тради-

ционный шелковый платок. – Чего вы добиваетесь? Это вам не нравится, и то вам не нравится. Технократия не нравится, и саморегуляция не нравится. А что нравится? Я думаю, что, на самом деле, вам нравится только одно: демонстрировать свои умственные способности.

– Ого-о! – хором воскликнули присутствующие и приготовились слушать новые разоблачения.

– Ваше поведение неестественно потому, что вы утратили связь с природой, – продолжил Ребане. – Ваша урбанистическая сущность не позволяет вам понять, насколько все пусто и бессмысленно, по сравнению с шумом леса или моря. Сперва были они, и только потом появились мы.

– Сперва был первач, – расхохотался Сёрен Халлик.

– По сравнению с величием природы, бледны все ваши деяния, ваша наука, ваши карьерные амбиции, ваша суэта вокруг собственного благополучия. – Ребане оставался непоколебимым.

– Сразу видно, что он год прожил на острове! – весело воскликнула Тийа.

– Кто же, кроме нас, угро-финнов, должен нести факел бореального мировоззрения, особенно теперь, когда индейцы практически истреблены. Неужели вы позволите проникнуть в свою душу бактериям стандартно-европейского мышления? Прямой путь в будущее проходит через прошлое, – продолжил Ребане.

– А как обстоят дела с каннибализмом? – поинтересовался Сергеев, которому Тийа шепотом переводила услышанное. – Надо ли, чтобы он вернул свои позиции?

Всеобщий смех возвестил о том, что со стандартно-европейскими бактериями предстоит долгое сражение.

– Ты, Сергеев, был русским и остаешься русским, – сказал Ребане, с прежней убежденностью. – Большие народы никогда не понимали малые.

– Тоомас, а тебе не кажется, что проблему бореализма тоже можно рассматривать в свете теории занятости? –, насмешливо спросил Сёрен Халлик, и, поскольку Китсе быстро с ответом не нашелся, продолжил сам: – Бредет ханты-манси по тайге, охотится на соболя. Приходит русский, дает ханты-манси ружье, охота упрощается. Вопрос: что ханты-манси будет делать со свободным временем? Сам он, конечно, с большей охотой посвятил бы его питию огненной воды, но позитивистская советская власть находит лучшее применение – в селении строится школа, и детям ханты-манси дарится русскоязычное образование.

Диспут вырлил на тему, которая Сергеева не привлекала, он сказал Тийе, что выйдет на минутку, и в узком коридоре чуть не столкнулся с блондинкой, которую приметил еще раньше, когда звенели бокалы с шампанским.

– Прошу прощения, – по-гусарски щелкнул Сергеев каблуками и поклонился. – Сами понимаете, узко – советский типовый проект.

Блондинка бросила на Сергеева равнодушный взгляд.

– Если я не ошибаюсь, вы – жених?

– В вашем распоряжении.

– Тогда, может, покажете, где можно вымыть руки?

Сергеев бросил на блондинку еще один благожелательный взгляд, с удовлетворением отметив ее ухоженность, и галантно открыл перед ней дверь.

– У нас в Санкт-Петербурге руки моют, как правило, в ванной, – насмешливо произнес он.

– Благодарю, – с прежним равнодушием обронила блондинка и вошла.

Сергеев остался стоять в дверях.

– Дальше я справлюсь сама, – сказала она как бы вызывающе, но опытный психолог в Сергееве уловил в ее голосе нотки польщенности.

– Не сомневаюсь. Я просто хотел бы вас кое о чем спросить, – учтиво продолжил Сергеев, стараясь тоном и взглядом загипнотизировать гостью.

– Прошу, – сказала блондинка и слегка улыбнулась.

– Вы случайно не подруга моей супруги?

– А почему вас это интересует? – кокетливо ответила блондинка вопросом на вопрос.

– Видите ли, мне бы очень понравилось, если бы вы ею были, – развил свою мысль Сергеев. – Я чувствую неодолимую потребность переспать со всеми подругами моей жены.

Блондинка онемела от такой наглости и залилась краской, а Сергеев, щелкнув еще раз каблуками, закрыл дверь.

Свадьба затянулась далеко за полночь. Даже самые отъявленные «философы» в конце концов были вынуждены потанцевать. Сёрен Халлик воспользовался случаем, чтобы в полумраке незаметно обнять свою давнюю платоническую любовь Юлле Луйк, в *девичестве Юлле Кала*, – именно так он позже и ответил на вопрос Сергеева: «Кто эта блондинка?» Мерлин Теэяр под зажигательную музыку выделявала в маленькой комнате такие темпераментные пируэты, что сердце Тийи не раз тревожно замирало в опасении за сохранность бокалов и ваз. Давно и всерьез ищущий спутницу жизни Тоомас Китсе провел собеседование с Виолеттой Вяли, чьи розовые щечки и пышность пришлись ему по душе, но как личность английская филологиня показалась излишне эмансипированной – его будущей жене полагалось родить минимум троих и полностью отдаться домашнему хозяйству. Тийа перетанцевала со всеми, и даже умудрилась вытащить на паркет – второй раз в жизни – ленивого жениха.

Утомленные плясками, все вернулись в кабинет. Тийт Ребане снял с шеи шелковый платок, повязал его на манер индейцев на голову, вытащил из сумки каннель и в его сопровождении исполнил балладу о вожде сиу Бешеной Лошади и устроенной им генералу Кастеру кровавой бане. Тягуче-гнусавое пение разбудило маленькую Диану, и она вышла в переднюю, где Сильвер Луйк уже полчаса безуспешно пытался дозвониться до диспетчера и вызвать такси.

– Почему вы, юная дама, не спите? – спросил он, заметив испуганную фигурку в ночной рубашечке.

– Я потеряла свое ружье.

– Ружье? А зачем вам ружье? Это игрушка для мужчин.

– Мне оно нужно, чтобы сторожить, когда придет колль.

– Ну, если колль, тогда понятно. У меня дома есть девочка примерно твоего возраста, она тоже боится привидений.

Заметив длинный рожок для обуви, Сильвер снял его с крючка и протянул Диане.

– Возьми, это очень хорошее ружье. У моего дедушки было такое. Он жил в лесу и охотился на медведей.

Девочка схватила обувной рожок и не выпустила его даже тогда, когда появившаяся в прихожей мать взяла ее на руки и отнесла обратно в постель.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Скорбящие

Глава первая

ВДОВА

Мужественно преодолев, несмотря на проделки Борея, расстояние от дома с барельефом до *храброго портняжки*, Луйк, выбритый, надушенный и наряженный в предпоследнюю

чистую глаженую рубашку, облегченно вздохнул, когда за ним захлопнулась дверца автомобиля. Как же не повезло предкам, что их космический корабль приземлился именно здесь, а не, скажем, на берегу Средиземного моря! Вероятно, пилот пал жертвой того же обмана зрения, который Луйк изо дня в день испытывал на себе: из окна погода представлялась великолепной – Гелиос, как модный акварелист, золотил весенний воздух, но при выходе на улицу ты оказывался во власти импортированного из Арктики ветра. Примерно так ошибалась маман Линда, да и многие другие, составляя мнение о ком-то по широте его улыбки и считая заискивающий голос первым признаком *доброто* человека. К счастью, дурость одной маман на жизнь народа оказывает небольшое влияние, а вот предки допустили непростительную ошибку, когда, прибыв из созвездия Золотой Рыбы, не нашли на планете Земля лучшего места, чем южный берег Финского залива. На далекой родной планете, где бананы росли вперемешку с картошкой, рыбы пели и пчелы откладывали мед прямо в рот, не требовалось работать более часа в день, а все остальное время можно было посвящать изящным искусствам, зато на новом месте жительства началась неустанная борьба с природой, которая их постепенно ожесточала. Болота, ледяные ветры, почти полярная ночь. И, конечно, колонизаторы – то германцы, то русские, все со своими законами, которые надо было изучить, так что, в конечном счете, эстонцы стали самым законопослушным народом в мире.

Задолго до знакомства с теорией космического происхождения эстонцев (за что он должен благодарить старого приятеля Синиааса, который регулярно и бесплатно высылал ему журнал «Вестник созвездия Золотой Рыбы»), еще в светлые дни оккупации Луйк прочитал книгу, в которой его предки объявлялись потомками хеттов. Это вызвало ожесточенные споры среди членов организации «Молодой эстонец». Старый друг и ренегат Тийт Ребане утверждал, что с хеттами как индоевропейцами у эстонцев не может быть ничего общего и если уж искать корни на юге, то скорее у шумеров или в Египте. Последнее предположение, в свою очередь, разгромил Синиаас, с безупречной логикой доказав, что симпатии шумеров и египтян к иерархической вере и монументальному искусству не имеют ничего общего с бореальным мировоззрением и демократическими установками эстонцев. Затем Луйк сам выдвинул гипотезу, согласно которой эстонцы мигрировали на берега Балтийского моря не с юга, а с севера, что они – дезертиры из эскимосского войска, то есть примерно такие, как казаки. В пользу этой идеи свидетельствовал практицизм: проще понять людей, которые бегут от холода в южные земли, а не наоборот; единственным, что тревожило Луйка в его теории, был элемент предательства, но когда он после длительных размышлений заменил солдат заблудившимися охотниками на тюленей, эта проблема, похоже, тоже разрешилась. Однако первый номер «Вестника созвездия Золотой Рыбы» в его почтовом ящике поставил с ног на голову все существовавшие до сих пор представления. Ну и фантазия была у Синиааса!

Что касается вдовы брата, которую он собирался по-родственному, без предупреждения навестить, то она, конечно, вела происхождение из морской, а точнее, ванной пены и, чтобы соответствовать родовому древу, проводила по утрам час перед зеркалом. Это ритуальное действие прерывать не рекомендовалось, потому что ненакрашенная женщина так же непредсказуема, как пробужденный от спячки медведь, поэтому правильнее было сначала пойти и переговорить с братом Сильвером, так, как раньше он беседовал только с отцом – не ртом, а душой. *Храбрый портняжка* понимал его чувства – сообразительный раб легко завелся весенним утром и послушно направился туда, где отдыхали те, кого уже никто не мог побеспокоить.

На кладбище царил почти такая же тишина, как на хуторе дедушки Юлиуса, что следовало, в первую очередь, отнести на счет раннего времени, но даже если бы часы показывали местный час пик, вряд ли между соснами загрохотал бы духовой оркестр, как это было на похоронах папы Харальда, потому что вместе с восстановлением государства восстановилась и бедность. Хорошо, когда погребение проходит в сопровождении визга одинокой скрипки,

звуки которой едва ли затмят скорбное песнопение какой-нибудь восточной вдовы – представить себе эстонских женщин в погребальном плаче у могилы мужа не мог даже Луйк с его богатой фантазией. Печальный пейзаж не нарушала ни одна похоронная процессия, слышались только щебет птиц и шорох граблей; первые бессловесные старушонки – неотъемлемая принадлежность скорбного кладбищенского дизайна, подобно попрошайкам в центре города, – уже выпили свой утренний кофе, добрались на своих автобусах до утраченных родных и теперь горбались над их могилами. Маман Линда в такой ландшафтный ансамбль не вписалась бы, потому что свежему воздуху предпочитала задымленный, но Юлле Луйк вполне могла бы приспособить эту занятость к дням своей старости, иначе с чего бы она так иронично отнеслась к сожалению Луйка по поводу того, что Сильвер похоронен не рядом с отцом на сельском кладбище. Неверие вдовы в садовнические способности Луйка было, между прочим, обосновательным и даже оскорбительным – он единственный, кто следил, чтобы могильный холмик папы был аккуратно подстрижен и цветы на нем были свежие. Конечно, он ухаживал бы за могилой брата – столь же усердно, но Сильвер покоился здесь, на чужом, маленьком и заброшенном городском кладбище, причем Луйк крепко задумался, где именно – состояние, в котором он пребывал при первом посещении этой обители покоя, не способствовало запоминанию азимута.

И все же он так высоко оценивал свое умение ориентироваться, что не стал тратить время на поиски кладбищенского сторожа, а сразу направился по песчаной дорожке, показавшейся ему знакомой. Если бы ему пришлось руководствоваться указаниями кого-то другого, особенно существа женского пола, он был бы менее уверен – доверяя топографическим дарованиям Леды, он оказался однажды в ста километрах от пункта назначения; но собственный опыт, даже такой смутный, как на этот раз, давал более надежную основу, как какое-то шестое или даже седьмое чувство (если шестым считать национальное самосознание), которое помогает умершему поэту находить Елисейские поля, а живому, как надеялся Луйк, – могилу брата.

Но хотя он прилежно изучал могилы, имени Сильвера не увидел. Видимо, проблема крылась в том, что осенью место погребения отмечали только венки. Луйк попытался представить вкус Юлле: она наверняка предпочла бы мраморный памятник с венчающим его ангелочком, но вокруг ничего подобного не наблюдалось. Он уже начал опасаться, что заблудился, даже повернул назад и двинулся к большой сосне, которую вроде бы запомнил с того раза, как вдруг его внимание привлекла куча веток. Теперь уже под действием не седьмого, а восьмого, семейного, чувства он сошел с дорожки, поспешил к анонимной могиле, порывшись в засохших ветках и вытащил остатки траурной ленты, на которой с трудом можно было различить знакомый текст: «Любимому брату Сильверу. Мартин».

Позабыт, позаброшен! Почти полгода прошло со смерти Сильвера, а вдова не сочла нужным даже прибраться на могиле, не говоря уже об установке памятника. Такова ее благодарность за то, что покойный писал за нее научные отчеты, стирал свои носки и рубашки, даже мыл посуду, не кутил в ресторанах, не ночевал у любовниц, а играл с ребенком и лишь пару раз в неделю в накурленном помещении пытался угадать, кто из противников прячет в ладонях судьбоносную даму пик.

Раздражение Луйка прервало карканье на вершине сосны.

«Г-мм... – подумал Луйк, вспомнив мудрость народа навахо, согласно которой ворона заменяет совесть (тоже его собственная выдумка). – Возможно, мне стоило сразу взять на себя уход за могилой?»

Он достал носовой платок, вытер руки и нащупал в кармане пиджака бумажник. Тот был на месте, и его содержимого должно было хватить как на памятник, так и на газончик. Все еще расстроенный увиденным – казалось, что еловые ветки оцарапали не руки, а сердце, он вернулся на песчаную дорожку и направился в тот угол кладбища, где, по его представлениям, располагалась мастерская каменотеса.

Часов в одиннадцать Луйк припарковал *храброго портняжку* напротив угрюмого дома в стиле сталинского ампира и взглянул на узкие окна первого этажа - случившаяся за ними трагедия слишком уж хорошо гармонировала с экстерьером здания. При жизни Сильверу частенько доставалось от прижимистой супруги за то, что он жжет электричество в дневное время, а что ему, бедному, было делать, если солнце очень редко заглядывало в темную комнату? Сейчас свет в окнах не горел, но открытая форточка вселяла надежду, что вдова дома. Нашупав еще раз бумажник, содержание которого он после кладбища обновил, Луйк настолько элегантно, насколько позволяло низенькое сиденье, выбрался из кабины, не обращая внимания на Борея, перешел улицу и через облупившуюся парадную вошел в грязный подъезд. Первоначально этот дом предназначался для железнодорожников и до сих пор сохранял сходство с плацкартным вагоном псковского поезда. Поднявшись на первую лестничную площадку, он остановился перед дверью справа и нажал кнопку звонка. Точно так же он звонил в ночь возвращения с Запада, замерзший, но счастливый, что его отпустили из КГБ после длительного допроса. Тогда ему тоже пришлось долго ждать – маман Линда спала, Сильвер, как потом выяснилось, был в командировке в Москве, никого не интересовали ни он, ни два больших чемодана, которые он тащил на себе с улицы Пагари до Ратушной площади, то и дело падая на скользком тротуаре. Когда дверь, наконец, открылась, на него с удивлением взглянула блондинка, в которой он, присмотревшись, узнал коллегу брата – младшего научного сотрудника Научно-исследовательского института настроя народа Юлле Кала.

«Как вы сюда попали?» – хотел он уже спросить, но тут сообразил – значит, вот на ком женился Сильвер. В глазах блондинки тоже промелькнуло узнавание; его пригласили войти, указали на вешалку, куда он, почти заледеневший, повесил тоненькое пальтишко, и даже налили на кухне чашку горячего чая. Маман Луйк в ту ночь так и не увидел – сам попросил ее не будить, зато на шум неожиданно вышел проснувшийся дядя Вася, пусть земля ему будет пухом! Он позвонил еще раз – самого звонка слышно не было, так как двойная дверь не пропускала звуки. Наконец загремела цепочка, лязгнул замок безопасности, и на пороге появилась – *déjà vu!* – Юлле Кала, то есть Юлле Луйк.

– Ну, здравствуй, – сказал Луйк и двинулся вперед с такой решимостью, что Юлле по чисто женской инерции отступила, дав ему возможность церемонно или не очень, но достичь цели – знакомой, но почему-то кажущейся чужой прихожей и поставить вдову перед свершившимся фактом. Та, во всяком случае, внешне, отнеслась к вторжению совершенно равнодушно и лишь спросила, закрывая дверь:

– А предварительно позвонить ты не мог?

Луйк не стал объяснять, что, поступи он таким образом, она придумала бы тысячу причин, чтобы сегодня его не принять.

– На близких родственников правила этикета не распространяются! – жизнерадостно возвестил он и, дабы не вызывать сомнений в серьезности своих намерений, начал разуваться.

Вдова молчала.

– Извини, вниманием я тебя не баловал, – продолжил Луйк, стоя на одной ноге и опираясь рукой о стену, – он только теперь сообразил, почему прихожая показалась ему чужой. Конечно, новые обои! Расшнуровывая вторую туфлю, он бросил быстрый взгляд на потолок – тот сверкал, как греко-католическая церковь.

– Но не думай, что я тебя забыл, – добавил он, оставшись в носках, поправил пиджак и выпятил грудь.

Он ждал приглашения пройти, но вдова просто прошествовала в гостиную, что, судя по всему, должно было означать: если ты сам вошел в одну дверь, то можешь войти и в другие.

– Мне интересно, как ты тут живешь, есть ли у тебя работа и как дела у Тийны? – продолжил Луйк светскую болтовню, одновременно оценивая происшедшие в гостиной измене-

ния, а их было немало – здесь тоже был произведен ремонт и обновилась кое-какая мебель. Внимание Луйка привлекли кожаный диван цвета слоновой кости и два таких же кресла.

Вдова по-прежнему молчала, но теперь хотя бы сидя, чем выражала принципиальную готовность к разговору – правда, села она не в кресло, а на стул, как бы намекая, что расценивает визит как случайный и кратковременный. Зато Луйк нагло развалился на диване и с новой точки обзора сразу заметил, что с книжной полки исчезла фотография Сильвера.

– Так как дела? Тебя, случайно, не сократили? – спросил он.

– Пока нет, но это может случиться в любую минуту, – удосужилась ответить вдова.

Она по-прежнему оставалась вполне аппетитной женщиной, эта Юлле Луйк, и наверняка холила себя и лелеяла: красила седеющие волосы, мазала кремом лицо и тело, руки и ноги – как Маргарита, только вот летать не умела. Когда-то давно, когда Луйк в качестве приработка к стипендии занимался анкетированием, его тоже привлекала белоснежная кожа Юлле Кала, которая и сейчас блеснула, когда вдова положила ногу на ногу, но, в отличие от брата, от молниеносной атаки его удержало интуитивное осознание того, что место таких, слишком ухоженных дам не в постели, а на обложках журналов. Между прочим, и теперь наверняка находились мужчины, способные возжелать эту не самую свежую, но все же предлагающую некую эстетическую усладу плоть, главными достоинствами которой, по мнению Луйка, были греческие плечи и пропорциональная им шея, последнюю, правда, покрывали морщины, напоминающие годовые кольца на стволе дерева.

– Где ты сейчас работаешь? Все еще в Инвалидном департаменте?

– Нет, и уже давно. Я теперь в Министерстве по европейским делам.

– Ну-у, так ты теперь много путешествуешь?

– Да, только вчера вечером вернулась из Брюсселя, – притворилась изможденной вдова.

Ах, эти бедные, стонающие под бременем командировок государственные чиновники, которые губят свое пищеварение предлагаемой в самолетах пряной едой, а спины – мягкими гостиничными постелями и которые, правда, только на словах, готовы тут же отказаться от своей участи!

– А твой магазин еще существует?

– Дышит на ладан. Недавно подняли арендную плату, так что непонятно, сколько мы еще выдержим.

Папа Кала⁹, в советское время – директор крупной строительной организации, сумев воспользоваться возможностями эпохи перестройки, открыл в столице вместе со старшей дочерью небольшой сувенирный магазинчик, который Сильвер, учитывая фамилию его владельцев, называл *аквариумом*.

– А сестры? Как у них дела? Все, как у Рахили и Лии?

Это был вопрос с подковыркой – две сестры вдовы враждовали с тех пор, как младшая Маде отбила у средней – знакомой Луйка Кюлики Веэтильк – мужа.

– Я их давно не видела. Наверное.

Пора. Луйк кашлянул и достал из кармана бумажник.

– Я понимаю, что тебе без Сильвера нелегко. Квартира, Тийна, внук – все стоит денег. Так что я решил тебе немного помочь.

И он элегантно вытащил несколько купюр.

– Не надо, – быстро произнесла Юлле.

Луйк изобразил удивление.

– Но почему же? Я же знаю, что у тебя материальные трудности. Давай без ложного стыда, мы ведь все-таки *близкие родственники*.

⁹ Kala – рыба (эст.)

На последних словах он сделал особый упор – когда он вернулся с Запада, то понял, что в отношении Юлечки к нему произошли изменения и с ним уже почти что флиртуют. В каком-то смысле это было понятно: трудно оставаться равнодушной, когда по квартире расхаживает красивый мужчина, одетый в черное кимоно, которое тогда было новеньким и блестящим, и благоухает французским одеколоном. Однако после долгих странствий по странам и женщинам провинциальная красота Юлле не вызывала в нем романтически-эротических реакций. И однажды, когда он, открыв дверь ванной, застал там жену брата в одном белье, а она, притворно вскрикнув, сделала вид, что пытается прикрыться полотенцем, он вместо того, чтобы по-мальчишески извиниться, только цинично изрек: «Не стесняйся, мы ведь *близкие родственники*». Что, с учетом свойственной Луйку верности, было чистой правдой – на инцест его не склонила бы даже кинодива, только вот осторожный мужчина не будит дремлющую в каждой женщине львицу.

Даже сегодня тело расслабленно сидевшей на стуле вдовы при словах Луйка напряглось, и она одарила гостя изучающим, можно даже сказать, пронизывающим взглядом – только на этот раз, как сразу же выяснилось, перемены были вызваны другой фразой.

– С чего ты взял, что у меня материальные трудности?

– Послушай, я ведь прямо с кладбища и видел, что у тебя не хватает денег даже на надгробие, – небрежно бросил Луйк без всякого намека на упрек.

Красивые плечи вдовы вздрогнули, она сняла ногу с ноги, сжала обе и выпрямила спину, на мгновение напомнив привязанного к стулу партизана, которого гестапо (хунта, НКВД – заинтересованных организаций предостаточно) намерено пытаться.

– Мне не хватает не денег, а времени, – сказала она и резко поднялась, как актриса, которая чувствует, что в данной мизансцене органично себя вести невозможно. – Ты кофе пил? Пойду посмотрю, осталось ли что-нибудь в кофейнике. Подожди здесь, у меня в задних комнатах беспорядок.

Итак, удар попал в цель.

Оставшись один, Луйк с чувством удовлетворения спрятал бумажник в карман – не из жадности, хотя ему действительно не доставило бы удовольствия оплачивать кремы для Юлечки, а просто так, поскольку этот атрибут свою задачу выполнил. Потом он еще раз внимательно и даже ностальгически огляделся: ничего здесь уже не напоминало о Сильвере – ни забытые на стуле брюки, ни колода карт на журнальном столике, из-за которой его все время изводили упреками. Салон был святым для Юлечки местом, родильным отделением и протестантской церковью одновременно, оно требовало стерильной чистоты и казарменного порядка, здесь каждая реликвия занимала свое место, а по вечерам совершались молитвы перед алтарем, то есть перед телевизором. Зато помещения, расположенные дальше по коридору, как выражалась вдова, *задние*, составили бы достойную конкуренцию богемной квартире Луйка. Неубранная постель в спальне, куча грязного белья в ванной, замызганная газовая плита на кухне – такая картина открывалась взору Луйка в те редкие разы, когда он на правах родственника проникал дальше гостиной, а если где-то и царил порядок, то только в раковине, потому что за мытье посуды ответственность нес добросовестный Сильвер.

Вдова вернулась с кофейником в руках, в ее движениях появилась деловитость, и она заговорила с приятной кучеряво-женской интонацией, которая обычно используется в беседах с любимыми подругами.

– Ты не представляешь, какая тяжелая у меня была зима. Я наконец дождала моего канадского дядюшку, и он согласился инвестировать в Эстонию – ты же знаешь, какими скупердяями могут быть эти зарубежные эстонцы.

Последняя фраза прозвучала почти заговорщицки, с намеком на то, что здесь умеют ценить глубокие знания Луйка о характере эмигрантов.

– Но всю ответственность за филиал мне пришлось взять на себя. Кузен, правда, прилетает сюда через каждые пару недель, но только чтобы проверить, на что я трачу деньги, а вся организация возложена на мои плечи. И, все это – наряду с государственной службой, а из министерства я уходить боюсь – что будет, если идея себя не оправдает или дядя вдруг решит, что я не гожусь для руководства фирмой; ты же знаешь капиталистов – между родственными связями и деньгами они без колебаний выберут последнее.

И снова – полузаговорщицкий взгляд в сторону Луйка: мы с тобой, несмотря на статус пострадавшего народа, – советские люди, мы мыслим иначе, моральнее.

– А вдобавок еще эти дурацкие сувениры. Ничего магазин не приносит, только время крадет. Я бы его давно ликвидировала, да отца жалко – последняя игрушка для старика.

– А, что, его контора закрылась? – спросил Луйк, прерывая.

– Уже два года. Банкрот. Только блюдечки да ложечки в нем еще жизнь поддерживают. Одним словом, у меня этот памятник все время бременем на душе лежал. Просто не успела. И я хотела с тобой посоветоваться, какой материал ты предпочитаешь.

Луйк кашлянул.

– Тебе не надо беспокоиться, я уже заказал. Выбрал доломит, все-таки наше, эстонское, полезное ископаемое. Сильверу, я уверен, понравилось бы. Хотя что ему теперь!

– Да, ваш папа Харальд, как утверждают, любил говорить: «мертвым уже ничего не надо», – произнесла Юлле столь многозначительно, что это, очевидно, нужно было рассматривать как требование индульгенции – как можно обвинять ее в промедлении с памятником, если семья мужа так относится к ушедшим в мир иной.

Правда, Луйк заметил, что вдова приводит афоризм не полностью, папа Харальд выражался длиннее: «Займитесь о людях, пока они живы, мертвым уже ничего не надо», но момент для уточнения был неподходящим: вдова, не прерывая разговора, достала из буфета чашки, накрыла на стол и как раз наклонилась, чтобы налить Луйку кофе, открыв в широком декольте платья-халата вид на загорелую равнину, посреди которой возвышались две белоснежные горки, покрытые тонкой синей сеточкой. На вершине каждого конуса красовалось бледно-розовое сооружение наподобие шахматной пешки или монастыря из туфа.

«Не хочет ли она меня соблазнить *post factum*?» – молнией промелькнуло в голове у Луйка.

– Что это за фирма, которую вы с канадским дядюшкой основали? – быстро спросил он, чтобы у вдовы не возникло иллюзий о возможном развитии их отношений.

– Консультационное бюро. Я ведь все-таки психолог.

Это было сказано с таким апломбом и подчеркнуто внезапно выпрямившейся спиной, что любой должен был понять: вы, братья Луйки, можете что угодно думать о моих умственных способностях, но на самом деле я – высокообразованный человек, а в неприкрытом презрении легко прочитывалась оценка мыслей гостя, которого она видит насквозь – тебе кажется, что я тебя соблазняю, а ты просто пришел бестактно рано, я даже одеться не успела.

– И что же вы консультируете?

– Этикет, – лаконично ответила Юлле, поставила кофейник на стол, села (теперь уже в кресло) и опять закинула ногу на ногу, но на этот раз аккуратно, демонстративно поправив платье, как бы случайно сконцентрировав внимание Луйка на стройной, в меру мясистой голени и покрывающей ее золотистой растительности.

«Дергает за поводок», – подумал Луйк, в глазах которого умелое манипулирование женщин своими сексуальными достоинствами давно утратило магическую силу и приобрело скорее семантико-психологическое значение. Например, если какая-нибудь девушка начинала спонтанно приглаживать волосы, Луйк знал, что сила его обольщения достигла максимума и пора начинать разрушительную деятельность в самом прекрасном из всех розовых садов; но такого жеста от вдовы, понятное дело, ожидать не приходилось, она скрестила руки на коленях,

и можно было представить, как в определенной ситуации пальцы начнут нервно барабанить по подлокотникам кресла, но полагать, что найдется мужчина, способный разбудить чувства в этой почти увядшей, по сравнению с телом, душе, было нереально.

– Слушай, это же замечательная бизнес-идея, – оживленно сказал Луйк. – Тылласепп – мой квартирант на хуторе деда, тоже говорит, что мы, эстонцы – самые большие снобы в мире. Он странный, никуда не выходит, сидит в лесу, как отшельник, но голова у него работает. Я килограммами таскаю ему газеты, и он иногда делает по ним очень интересные выводы.

– Ваш хутор приносит приличный доход? – ровным тоном спросила Юлле, но словосочетание *ваши хутор* вместо логичного *твой хутор* свидетельствовало о том, какой костер алчности пылает в этой корыстной душонке: если бы Сильвер не согласился на компенсацию, вдова сейчас имела бы право на половину сосняка.

Луйк пожалел, что по неосторожности позволил перевести беседу на опасную тему, и начал прибедняться.

– По сравнению с теми усилиями, которые я в него вложил, я имею в виду бюрократическую карусель, кадастры и прочее, о выгоде говорить не приходится, – посетовал он, зная, что обмануть вдову ему не удастся, но и не особенно беспокоясь из-за этого: у игры, в которую они играли, были свои правила, одно из которых звучало так: ты должен делать вид, что веришь словам ближнего, особенно когда он врет.

– Послушай, я так и не смог у тебя спросить, что все-таки произошло с Сильвером, – попытался он перехватить инициативу и заставить вдову врасплох.

Но она, по всей видимости, ожидала такого вопроса и, озабоченно склонив голову, ответила с печалью в голосе:

— Это, наверное, назревало уже давно. Ты же знаешь, он всегда говорил, что три года в армии после школы испортили ему карьеру. Я не математик и не могу сказать, сколько в этом правды и сколько самооправдания. Но он все больше разочаровывался – в науке или в себе, я не знаю. Последним ударом стало, конечно, поступление новых компьютеров. Потому что выяснилось, что теория – теорией, а работать на них он не умеет!

– Сильвер? Он же считался ценным специалистом! – оскорбленно возразил Луйк.

– В советское время, Мартин, в советское время! Верь или не верь, но я сама видела, как он часами искал, какую клавишу нажать. У меня тоже были с этим проблемы, так как на работе нужно было переходить на компьютер – и скажу тебе, что, в конце концов, элементарным вещам меня обучила Тийна.

– Может, Сильвер счел, что он – не конторская барышня и не должен знать эти твои *элементарные вещи*?

– Может. Но скажи мне как профессионал, что бы ты подумал о поэте, не владеющем в полной мере, родным языком?

– Ох-хо-хо! Это более сложный вопрос, чем тебе кажется. Встречаются поэты, которые делают ошибки в правописании. Например, не используют знаки препинания.

– Но они знают об их существовании?

– Вероятно.

Вдова ухмыльнулась.

– Я не утверждаю, что Сильвер полностью деквалифицировался. Но, понимаешь, научные исследования тогда почти не велись, осталось только компьютерное обучение, которого он старался избегать. Так что когда встал вопрос, кого в начале нового года сократить, первым вспомнили о Сильвере.

Луйк не поверил своим ушам. Его умный брат, который по договору разрабатывал программы космической связи, – и сокращен!

– Но ведь до нового года было еще время?

– Да, но слухи распространялись, в нем проснулась гордость, и он сам написал заявление об уходе. Хотя было бы разумнее дать себя сократить.

– И дальше?

– А дальше он очень быстро покатился вниз.

Такой простой оказалась эта загадка, над которой Луйк почти полгода ломал голову. Он машинально взял со стола чашку и сделал глоток кофе, неприятный, отдающий плесенью вкус которого моментально вернул его в реальность. Таким же пойлом Юлке угощала его утром после возвращения с Запада, и он тогда уже подумал: бедный братец!

– Трудно поверить.

– Чему?

– Всему. Например, тому, что он сам отказался от работы, которой занимался всю жизнь.

Вдова брезгливо прыснула, встала и, ни слова не говоря, вышла из комнаты. Луйк, опять машинально, достал из кармана сигареты и только, когда приторный фильтр коснулся языка, вспомнил, что в этой квартире не курят. Будто мало они с Сильвером мерзли на лестничной площадке! На самом деле, мало, поскольку Луйк бывал здесь редко. Женщины – вот, кто отгрызает мужчин от братьев и друзей, они иначе и не могут, должны чувствовать себя единоличными повелительницами.

Вернувшаяся вдова молча протянула ему серую брошюрку, в которой Луйк легко опознал трудовую книжку. Ох, какие любопытные записи можно было найти в его собственном аналогичном документе: помощник режиссера на киностудии, младший научный сотрудник археологической экспедиции, старший специалист лаборатории криминалистической экспертизы – да, даже туда кто-то умудрился его засунуть, фиктивно, конечно, потому что ни почерки, ни калибры огнестрельного оружия различить Луйк не мог, об этом заботился кто-то другой, кому, по советским законам, нельзя было платить зарплату больше предусмотренной, а остаток, разумеется, клал в карман заведующий лабораторией, предварительно отсчитав полагающуюся Луйку четверть. Советские люди тоже хотели жить!

Услышав всхлипывания, Луйк поднял глаза – вдова стояла у окна спиной к нему и вытирала платком глаза. Пыточная камера! Бедной скорбящей не дают даже спокойно поплакать! А вообще-то они текли, эти слезы? Вдова, как было известно Луйку, еще раньше своей сестры Кюлики хотела стать актрисой, но ей не хватило таланта, и она провалилась на вступительных экзаменах в театральный институт. Вероятно, члены экзаменационной комиссии, как и Луйк, посмотрев в исполнении Юле Кала этюд, сказали: «Не верим!» – тогда система Станиславского была еще в почете.

Казалось, еще немного усилий – и слезы хлынут ручьями, причем из-за таланта не артистического, а чисто женского. Целое Балтийское море слез – серые, как море и как брошюрка, которую Луйк наконец нехотя открыл (вдова в это время громко сморкалась).

Освобожден от работы по собственному желанию. Подпись. Дата. Печать. Неопровержимый факт – но именно самые неопровержимые факты вроде алиби, которое убийца предъявляет детективу, вызывают подозрение. Так и этот.

Луйк закрыл трудовую книжку и шлепнул ее на стол.

– Хорошо, а ты сама?

– В каком смысле я сама?

– Что ты предприняла, чтобы Сильвер не покончил с собой?

Слезы высохли мгновенно. По сравнению с этим, Аральское море не обмелеет еще очень долго.

– Почему я должна была предпринимать больше, чем ты?

Ожидаемое возражение.

– Не сравнивай нас. Я ничего не знал. А ты? Поддержала его в трудную минуту? Или только бередила душу? Мол, смотри, ты ни на что не годишься? Даже работник из тебя никакой, я и деньги должна зарабатывать? Не так ли?

В мгновение ока вдова стерла с лица всю притворную вежливость, подобно тому, как актриса после спектакля удаляет грим.

– Вон! – прошипела она. – Вон отсюда, змея! Весь ваш род такой, а ты еще гораздо хуже, чем твой брат!

Луйк не заставил просить себя дважды. Без всякой солидности, а именно так, как должен был реагировать нормальный человек – быстро, не раздумывая, он вскочил, с трудом протиснулся между столом и диваном, попутно саданув коленом по столу так, что кофе выплеснулся из чашки.

– Хватит сочинять, что мужчина, имея любящую жену, добровольно полезет в петлю! – сказал он, немножко громче, чем раньше, но, несмотря на всю эмоциональность сцены, тщательно следя за тем, чтобы его голос ни на йоту не заглушал голос вдовы, вышел в переднюю и замер: по темному коридору со стороны кухни тяжелыми шагами к нему приближалось что-то угрожающее и массивное. Когда оно достигло освещенного места, Луйк увидел существо мужского пола типа культуриста, точнее, самца, который тоже остановился и злобно вытаращился на непрошеного гостя. Самец был полуголый, или, скажем так, одетый по-домашнему, в майке и спортивных штанах, всем своим видом заявляя, что находится здесь не случайно. Уже немолодой, в приличном костюме, он мог бы производить весьма импозантное впечатление, тем более что его головку украшал седой ежик волос – но все портил тупой взгляд, который указывал, что, в отличие от бицепсов, мозги в этом теле последний раз подвергались тренировке в средней школе. По должности не прямо уж швейцар или охранник, но что-то в этом роде, может, водолаз, предположил Луйк, заметив скафандрообразную грудь друга дома и его сильный загар.

– Что-то *геннулось*?

Вопрос, заданный гнусавым голосом и на неприемлемом для поэтического слуха Луйка жаргоне, содержал как готовность услужить, так и некое тщеславие: одно ваше слово, *madame*, и это чудовище вылетит отсюда, скатившись по лестнице.

– Успокойся, все хорошо, – резко ответила вдова, и Луйк удовлетворенно заметил, что «водолаз», как по волшебству, съежился, его торс прогнулся вперед, важно венчавшая короткую шею головка втянулась в плечи и даже большие оттопыренные уши как-то обвисли.

– Я услышал голоса и подумал, что тебе нужна моя помощь, – весьма натурально оправдался он. И, убедившись, что никто не собирается его представлять, самец с плохо разыгранным достоинством удалился в том же направлении, откуда пришел.

Луйк наклонился, чтобы обуться.

– Сложи, пожалуйста, книги Сильвера по математике, я через неделю зайду за ними, они мне нужны как память, – почти весело сказал он, вернув себе всю светскую самоуверенность. – И, пожалуйста, найди фотографию, которая стояла на полке во время похорон, я ее тоже забери, тебе она, похоже, ни к чему, – добавил он, завязывая шнурки.

Вдова пощипывала ворот халата. Она явно была встревожена случившимся.

«Конечно, – подумал Луйк удовлетворенно, – легенда о счастливой семейной жизни улетучилась. Кто рискнет утверждать, что этот неандерталец не демонстрирует здесь мускулы уже достаточно давно?»

Он знал немало супружеских пар, у которых любовник жены без смущения ждал на диване в гостиной, пока муж уйдет из дома; правда, мещанка Юлле до сих пор строго следила, чтобы никто не мог сказать о ней ничего плохого.

Луйк выпрямился.

– Удачного дня, – завершил он свое выступление тонкой подковыркой, саркастически улыбнулся и вышел из квартиры, как всегда, чуть не врезавшись лбом в дверное полотно – он никак не мог запомнить, что в этом доме двери двойные.

Глава вторая СИРОТА

Метров через сто от дома Сильвера сталинский ампи́р сменился деревянными халабу-дами. Где-то здесь, в подвальном ателье, где бегали крысы и воняло канализацией, перепечатывала стихи Луйка, наряду с антисоветской литературой, впоследствии депутат парламента Мерлин Теэяэр. Любопытна судьба повитухи Второй Республики. На последних выборах Мерлин, если Луйку не изменяла память, получила ровно дюжину голосов (практически только родственников) и вынуждена была уйти из политики. Но куда, неужели в личную жизнь? И что ей там делать? Внуков у Мерлин не было – для этого надо было сначала самой кого-нибудь родить, для чего, как известно, нужны хотя бы два человека – но именно с мужчинами ей не везло. На самом деле, везло, даже очень, но изобилие любовников еще никому счастливого и даже просто брака не гарантировало, так и все романы Мерлин закончились до ЗАГСа, в том числе и последний – с будущим (а теперь уже нынешним) спикером, которого прибрала к рукам...

Черная кошка сбила его с мысли, и, чтобы не наехать на нее, Луйк затормозил; сам он кошек терпеть не мог, но уважал их право на жизнь, особенно черных, потому что они в борьбе с христианскими священниками пострадали так же сильно, как его соотечественники.

Убедившись, что с домом вдовы его разделяет достаточное расстояние, он с облегчением припарковал *храброго портняжку* у тротуара и закурил. Трудная и нервная беседа, на секунду вылетев из головы, вернулась, отдельные реплики кололи, как ветки в зарослях ольхи на хуторе дедушки Юлиуса. Неужели Сильвера толкнуло на самоубийство отчаяние потерявшего работу человека? Луйк вспомнил, как сестра его второй жены Лийи Лонг Дринк впала в транс, когда ей прислали извещение об увольнении с окончательным расчетом – в Америке это делалось запросто, а потом, как безумная, целую неделю строчила на пишущей машинке бесконечные *curriculum vitae* в надежде удивить и заинтересовать все университеты мира своим политологическим опытом. Добросердечный Луйк, опасаясь, что, если ситуация не разрешится, доведенная до отчаяния жертва капитализма перережет лезвием его бритвы вены, таскал тогда на почту письма килограммами. И на тебе, вскоре пришел с западного побережья положительный ответ, свояченица моментально успокоилась, упаковала чемоданы и улетела на другой конец континента. Почему же Сильвер так легко утратил надежду?

Луйк с удовольствием спросил бы об этом самого брата, но расстояние, которое их разделяло, было слишком велико. Когда-нибудь они, конечно, встретятся – там, где пересекаются даже параллельные прямые (это было почти все, что он помнил из математики), только вот времени для этого потребуется слишком много, вероятно, бесконечно много. Пока же их объединяла только нейлоновая бельевая веревка, из которой Сильвер связал нечто вроде эллипса, и Луйк, словно канатоходец, должен был теперь переправиться по ней на другой берег Леты. Он должен был, как комиссар Мегрэ, вживаться в роль жертвы: вместе с Сильвером группировать и коррелировать социологические данные, рассчитывать семантический дифференциал и медианы – эти услышанные от брата малопонятные слова, которые он запомнил инстинктом поэта, провести вместе с ним глубокую резку, чтобы взять последнюю взятку на мелкую трефу; наконец, почувствовать, что значит быть любящим мужем и отцом. Да, и отцом.

«Отсюда и продолжим», – подумал он, завел мотор и направился к человеку, которому его брат подарил жизнь.

Это был район, где прошло отрочество Луйка. Неподалеку находился магазин, в котором они с Андреасом Хабитусом и Иваром Юмисея купили первую в жизни бутылку вина, чуть поодаль – баня, через окно которой они разглядывали голых баб. Повернув направо, Луйк проехал мимо дома, в котором семья жила те три года, пока Сильвер служил на Кавказе. Папа Харальд часто менял квартиры, может, под влиянием маман Линды, которая с женской жадностью стремилась повысить качество собственного существования, а может, и по своей инициативе в наивной надежде на то, что одновременно с улучшением жилищных условий улучшится и характер жены. И надо же было такому случиться, что первую в жизни квартиру племянница сняла именно в этом районе – вот оно, пятиэтажное, напоминающее гигантский ящик для замеса цементного раствора здание, которое Луйк посетил только однажды – в связи с наведами Марии-как-там-ее-второе-имя.

Подъезд он узнал по *граффити* «Таня + Боря = секс» – во времена его молодости писали «Таня + Боря = любовь». Примерно на третьем этаже он услышал ритмический стук и визги. Если бы они доносились снизу, можно было бы подумать, что в подвале работает огромная стиральная машина и кто-то, застряв в ней, зовет на помощь, но звуки доносились сверху, то ли с последнего этажа, то ли с чердака, то ли вовсе с неба; может, там распинали на кресте очередного страдальца-еврея. Особой симпатии к терново-венковому мазохисту Луйк не испытывал, но объективности ради вынужден был признать, что в дальнейших преступлениях христиан этот чудаковатый философ, похожий в чем-то на Диогена, если бы тот выбрался из бочки и пустился в странствия, повинен не был, иностранные захватчики просто использовали его прискорбную смерть, чтобы оправдать завоевание чужих территорий, в том числе и этой – древней бореальной, которую они переименовали в страну девы Марии¹⁰

¹⁰ Территорию нынешней Эстонии когда-то называли Маарјамаа – страна девы Марии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.